ПУТЕШЕСТВІЕ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА ПО АВГАНИСТАНУ И БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ

въ 1878—1879 гг.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ЧЛЕНА ПОСОЛЬСТВА,

Д-РА И. Л. ЯВОРСКАГО.

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

Съ приложеніемъ: портретовъ эмира Авганскаго Ширъ-Али Хана и эмира Бухарскаго Сеидъ-Мозафаръ-ед-Динъ-Хана, изображенія Бамьянскихъ каменныхъ истукановъ, карты верховьевъ Аму-Дарьи и маршрута посольства, составленнаго топографомъ посольства Н. А. Бендерскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.
1882.

ШИРЪ-АЛИ-ХАНЪ

Эмиръ Авганскій.

ПУТЕШЕСТВІЕ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА ПО АВГАНИСТАНУ И БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ въ 1878—1879 гг.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ЧЛЕНА ПОСОЛЬСТВА,

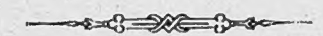
Д-ра И. Л. ЯВОРСКАГО.

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

въ двухъ томахъ.

ТОМЪ I.

Съ приложеніемъ: портретовъ эмира Авганскаго Ширъ-Али Хана и эмира Бухарскаго Сеидъ-Мозафаръ-ед-Динъ-Хана, изображенія Бамьянскихъ каменныхъ истукановъ, карты верховьевъ Аму-Дарьи и маршрута посольства, составленнаго топографомъ посольства Н. А. Бендерскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.
1882.

ПУТЕШЕСТВІЕ

РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА

ПО

АВГАНИСТАНУ И БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ

Amicus Plato, sed magis
amica veritas.

ТОМЪ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава VIII. Отъ Бамьяна до Кабула.

Глава IX. Въ Кабулѣ.

Глава X. Возвращеніе ген. Столѣтова изъ Кабула.

ГЛАВА I.

Ташкентъ.—Самаркандъ.

Ташкентъ въ маѣ мѣсяцѣ 1878 г.—Приготовленія къ походу въ Индію.—Снаряженіе русской миссіи въ Кабулъ. — Обстоятельства, при которыхъ произошло это снаряженіе.—Составъ миссіи.—Приготовленія къ отъѣзду изъ Ташкента. — Путь отъ Ташкента до Самарканда. — Сборы миссіи въ Самаркандѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1878 г. въ Ташкентѣ царствовало болѣе замѣтное оживленіе среди общества, чѣмъ когда либо прежде.

Готовились къ походу въ Индію. Изданъ былъ приказъ по войскамъ Туркестанскаго Округа о сформированіи трехъ отрядовъ, имѣвшихъ выступить, въ самомъ непродолжительномъ времени, къ южнымъ границамъ Округа.

Все воинство туркестанское точно проснулось отъ долгой дремоты, зашевелилось, загудѣло; пошла спѣшная работа по снаряженію обозовъ, походныхъ лазаретовъ, санитарныхъ командъ; закупка лошадей, вьючныхъ принадлежностей и прочаго походнаго скарба. Лица, завѣдывавшія хозяйственной частью войскъ, разсѣялись во всѣ стороны степи, закупая лошадей и нанимая арбы (туземныя двухколесныя повозки). Офицеры имѣли очень веселый видъ, точно ихъ чѣмъ нибудь подарили. Вездѣ, въ ихъ кружкахъ, можно

было слышать выраженія крайняго удовольствія по поводу предстоящаго похода.

«Страсть какъ надоѣло сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ. Скука! Куда ни оглянись—все знакомо, да давно и запримѣчено. То-ли дѣло походъ! Вольнымъ степнымъ вѣтромъ хоть обдуетъ васъ, да досыта надышетесь свѣжимъ воздухомъ. Спасибо англичанамъ! хоть они насъ выручили, а то куда ни погляди — вездѣ тишь да гладь, да Божья благодать; некуда, незачѣмъ и шагу сдѣлать; такъ бы и сгнили здѣсь въ Ташкентѣ. Ну, такъ нѣтъ-же! Теперь вотъ пойдемъ въ Индію—выгонять англичанъ оттуда. Положимъ, поговаривали о походѣ противъ Китайцевъ, да гдѣ имъ драться съ нами: убѣгутъ и не догонишь»!

Такія рѣчи можно было постоянно слышать въ кучкахъ собиравшихся въ разныхъ мѣстахъ офицеровъ. Многіе пытались отгадать: кто пойдетъ въ первыхъ эшелонахъ? Всѣмъ хотѣлось пойти первыми. Первымъ—первое дѣло и первая награда. Понятно, что о неудачахъ никто и не думалъ: туркестанскіе офицеры неудачъ не знаютъ; у нихъ неудачныхъ дѣлъ не было. Однако являлись и между ними скептики, допускавшіе возможность неудачи; но такихъ было очень немного. Большинство же ликовало и заранѣе потирало себѣ руки въ ожиданіи полученія подъемныхъ, суточныхъ и усиленныхъ раціоновъ. Положимъ, потирали себѣ они руки, въ чаяніи всѣхъ этихъ благъ, довольно неосновательно; носились даже слухи, что дѣло о подъемныхъ какъ-то затормозилось. Нѣкоторые же положительно завѣряли, что едва ли придется получить подъемныя, ибо начальникъ окружнаго штаба еще не получилъ разрѣшенія отъ военнаго министра о выдачѣ подъемныхъ, несмотря на неоднократно посланныя объ этомъ телеграммы, но... ни на что подобное не обращалось вниманія. Потомъ, хотя и довольно поздно, пришлось обратить вниманіе, и тогда они узнали, что подъемныя были очень урѣзаны, суточныя даны мизерныя, да и тѣ потомъ стребованы были обратно.

Даже и солдатики какъ будто повеселѣли; чаще стала слышаться молодецкая пѣсня, бойчѣе стала походка. Впрочемъ, это явленіе можно было объяснить чисто физіологическими причинами. Уже нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ отданъ приказъ по частямъ войскъ, назначенныхъ къ походу, усилить довольствіе нижнихъ чиновъ. И

обыкновенно-то войска въ Туркестанскомъ краѣ — особенно стрѣлковыя части—питаются очень порядочно, а теперь ихъ стали кормить «какъ на убой». Впрочемъ, это «на убой», если хотите, можете понимать и въ буквальномъ смыслѣ.

Только женатые солдаты, а особенно тѣ, которые имѣли дѣтей,—тѣ какъ будто и призадумались. Однако и они все таки не хотѣли «ударить въ грязь лицомъ», бодрились и даже пробовали подсмѣиваться надъ молодыми солдатами, довольно сильно смахивавшими еще на деревенскихъ ротозѣевъ. Впрочемъ, особенно-то не о чемъ было горевать и женатымъ. Туркестанскіе походы никогда не сопровождались значительною убылью въ строѣ войскъ. Потери отъ непріятельскаго огня были почти всегда очень незначительны. Нужно, однако, замѣтить, что даже и здѣсь, въ средѣ солдатъ, являлись скептики. Большинство изъ нихъ, конечно, имѣло очень смутное понятіе о предстоящемъ походѣ. Одни говорили, что «идутъ Китайца бить»—за то де, что онъ «косоглазый» осмѣлился сдѣлать вызовъ русской власти [1]). Другіе говорили, что «Туркменъ опять взбунтовался,—такъ туркмена идутъ усмирять». Но были и такіе, которые, уловивъ нѣсколько фразъ изъ офицерскихъ бесѣдъ, говорили, что это будетъ совсѣмъ другой походъ — дальній да трудный.

Разговоры въ ташкентской публикѣ были совсѣмъ другаго свойства. Здѣсь одинаково неодобрительно относились къ какому бы то ни было походу,—тѣмъ болѣе къ дальнему. Здѣсь всѣмъ памятенъ еще былъ 1875 годъ, когда городъ со дня на день ожидалъ нападенія туземцевъ сартовъ на европейскіе кварталы Ташкента. Наличнаго количества войскъ тогда было очень мало въ городѣ, по случаю военныхъ дѣйствій въ Коканскомъ ханствѣ. Поэтому всѣмъ мирнымъ жителямъ было роздано оружіе; установлены были правила для осаднаго времени, и даже былъ изданъ приказъ, чтобы по сигналу всѣ русскіе обыватели собирались въ цитадель города. Въ городѣ царствовала почти паника. Сарты заявляли себя совсѣмъ неприличными выходками. Было нѣсколько случаевъ грабежа.

---

[1]) Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года было получено письмо отъ Цзянь-Цзуня, начальника китайскихъ войскъ въ Монголіи и Кашгарѣ, невѣрно сначала переведенное и содержавшее будто бы угрозы Россіи, въ случаѣ, если она не возвратитъ Кульджу обратно Китаю. Потомъ объяснилось, что въ письмѣ никакихъ угрозъ не было.

Вотъ и теперь русскіе обыватели боялись возвращенія этого не совсѣмъ еще «стараго» и уже совсѣмъ не «добраго» времени. Положимъ, теперь въ Ташкентѣ оставался мѣстный батальонъ и двѣ вновь сформированныя резервныя роты, но публика думала, что для полной безопасности города, въ случаѣ чего либо... этого количества войскъ недостаточно... Многія дамы думали уѣзжать въ Россію— такъ здѣсь называется Европейская Россія. Другія же, выражая конечно только свои собственныя желанія, съ видомъ и тономъ пророчицъ говорили, что никакому походу не бывать, что «все это только такъ»...—Онѣ потомъ, дѣйствительно, оказались пророчицами; по крайней мѣрѣ желанія ихъ сбылись, такъ какъ хотя походъ и былъ, но все это было на самомъ дѣлѣ «только такъ»... Тѣмъ не менѣе наши пророчицы не забыли приготовить кому слѣдуетъ и «на всякій случай»—сухарей, консервовъ и другихъ походныхъ снѣдей. А я видѣлъ, какъ многія изъ нихъ приготовляли даже спеціально-походное бѣлье для своихъ храбрыхъ половинъ.

Дамы «Краснаго Креста», и дамы не принадлежащія къ нему, въ короткое время приготовили цѣлую груду разныхъ госпитальныхъ и перевязочныхъ принадлежностей, назначавшихся для будущихъ раненыхъ героевъ. Почти во всякой порядочной гостиной непремѣнно можно было увидать одну или нѣсколько паръ нѣжныхъ рукъ, проворно управлявшихся съ иголкой въ одной и ножницами въ другой рукѣ. Положимъ, иногда можно было примѣтить непритворный зѣвокъ и гримасу досадливой скуки, вызванныя работой «съ благотворительною цѣлью», но появленіе этого предательскаго зѣвка съ успѣхомъ можно было объяснить также тѣми адскими жарами, какіе наступили здѣсь послѣ дождливой весны и тянулись вотъ уже недѣли три сряду.

Ташкентскій госпиталь не отсталъ отъ общаго движенія. Дѣло шло о сформированіи походнаго лазарета для главнаго отряда. Былъ назначенъ, какъ это всегда водится, главный врачъ; были назначены и ординаторы. Въ то число попалъ и я. Откровенно говоря, я, какъ и большая часть офицерства, сильно желалъ похода. А разъ походъ былъ объявленъ, я только объ одномъ и думалъ: какъ бы мнѣ не остаться въ Ташкентѣ. Послѣднее мнѣ казалось хуже смерти.

«Какъ! Всѣ пойдутъ въ походъ, а я нѣтъ? Пойдутъ... вѣдь куда

пойдутъ... въ Индію! А я буду сидѣть въ этомъ скучномъ, противномъ Ташкентѣ? Да вѣдь я и поѣхалъ въ Туркестанскій Округъ передъ самой турецкой войной потому только, что предполагалъ движеніе въ Индію, такъ какъ еще и тогда было замѣтно, что Англія станетъ намъ вредить повсюду и, чего добраго, придется съ ней воевать. И вотъ теперь «сиди у моря, (даже океана—степи) да и жди погоды».

Но я вскорѣ успокоился, увидавъ себя въ числѣ врачей, назначенныхъ въ походный лазаретъ. Однако я долженъ сознаться, что мѣсто госпитальнаго ординатора меня не вполнѣ удовлетворяло. Для меня болѣе заманчивымъ казалось положеніе баталіоннаго врача—какъ по большей самостоятельности здѣсь врача, какъ практика, такъ и по большей подвижности части; можно было угодить въ авангардъ и тогда... Конечно, въ этомъ сказывался пылъ молодости, жажда простора, сильныхъ ощущеній. Но если бы мнѣ тогда, какимъ либо чудомъ, было открыто, что мнѣ предстояло потомъ испытать во время моихъ будущихъ путешествій по Средней Азіи, то, вѣроятно, мой юношескій жаръ мгновенно остылъ бы и я предпочелъ бы остаться въ этомъ, такъ вдругъ ужь очень опротивѣвшемъ мнѣ Ташкентѣ. Но—«будущее отъ насъ всегда сокрыто» и, вѣроятно, всегда къ нашему счастью.

Я горячо принялся за походныя приготовленія. Надо было прежде всего ликвидировать свое холостое хозяйство: это надо было продать, то купить. Надо было снарядить и себя, и коня и деньщика. Пуще всего меня занималъ вопросъ: на чемъ поѣдетъ деньщикъ? Нѣкоторые офицеры рѣшали этотъ вопросъ очень просто. «Онъ поѣдетъ, говорили они, съ обозомъ, или еще лучше: купить ему осла—и дѣлу конецъ». Но мнѣ казалось первое неудобнымъ, а второе какъ будто и комичнымъ. Вообразите, что могло бы тогда изъ этого выйти: ѣдутъ нѣсколько офицеровъ на хорошихъ, горячихъ лошадяхъ, а подлѣ нихъ галопируютъ на своихъ вислоухихъ скакунахъ-ослахъ ихъ вѣрные Санхо-Панхо; ослы при этомъ ревутъ благимъ матомъ—картина, которой не побрезгалъ бы и современный Сервантесъ. — Въ полномъ разгарѣ приготовленій къ походу меня застало новое назначеніе.

Около этого времени въ городѣ довольно глухо носился слухъ о

томъ, что въ округъ вызванъ ген. Столѣтовъ, извѣстный защитникъ Шибки. Говорили, что онъ долгое время жилъ среди мусульманскаго населенія, провелъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ, былъ въ Персіи, жилъ нѣкоторое время въ Красноводскѣ, производилъ нивеллировку нижняго теченія Аму-Дарьи, хорошо знаетъ азіятскія нарѣчія—и вообще обладаетъ многими качествами, очень цѣнными для предстоящаго похода. Такъ вотъ и говорили, что онъ вызванъ въ Ташкентъ по поводу «Индійскаго» похода. О томъ же, что рѣшено было послать въ Афганистанъ русское посольство—не было и рѣчи; никто объ этомъ не произнесъ ни одного слова.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, а именно 24-го мая 1878 г., я получаю записку секретаря Окружнаго Медицинскаго Управленія. Эта записка извѣщала меня, чтобы я «пожаловалъ немедленно къ его пр—ву окружному военно-медицинскому инспектору». Сбоку записки значилась надпись: «весьма экстренно».

Являюсь—и узнаю то, чего никто не ожидалъ,—а именно, что сформировано Посольство въ Авганистанъ. Главой посольства былъ назначенъ генералъ Столѣтовъ. Мнѣ окружной инспекторъ поручалъ постъ врача посольства. Дѣло велось весьма экстренно. Я поспѣшилъ явиться къ моему новому и совсѣмъ неожиданному начальнику.

Проѣзжая мимо гостинницы Ильина, (находящейся на Большомъ просп.) нельзя было не замѣтить у домоваго подъѣзда двухъ ординарцевъ, вытянувшихся, какъ статуи, у обѣихъ половинокъ дверей. Подхожу и спрашиваю: здѣсь остановился генералъ Столѣтовъ?— «Точно такъ»—и одна изъ статуй исчезаетъ за дверью для доклада. Вхожу. Свѣжесть и прохлада, господствовавшія въ комнатахъ, составляли пріятный контрастъ съ раскаленнымъ воздухомъ улицъ.

Я прежде никогда не видалъ генерала Столѣтова. Составивъ себѣ о немъ понятіе по газетнымъ извѣстіямъ, я ожидалъ увидѣть браваго, закаленнаго воина, почти титаническую фигуру. Но я былъ неожиданно изумленъ, увидавъ передъ собою небольшаго роста человѣка, слабаго тѣлосложенія, съ мягкими манерами и тихимъ голосомъ. Особенно голосъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Интонація его была какъ то ужъ очень туширована.

Я представился. Генералъ сейчасъ же заговорилъ о предстоящей поѣздкѣ въ Авганистанъ; онъ говорилъ, что необходимо будетъ очень

спѣшить, что по причинѣ болѣзни онъ запоздалъ въ Москвѣ и затѣмъ распространился о своей больной рукѣ, которая носила еще слѣды бывшаго воспаленія кожи. Генералъ кончилъ тѣмъ, что посовѣтовалъ мнѣ выѣхать изъ Ташкента въ Самаркандъ, сборный пункъ всѣхъ членовъ миссіи, на другой же день.

Цѣлый день я, что называется, «поролъ горячку». Мнѣ надо было устроить свои дѣла, надо было снарядить походную аптеку; необходимо было, наконецъ, получить денегъ, хотя, мнѣ кажется, слѣдовало бы начать именно съ послѣдняго. Но, какъ я ни старался, а на слѣдующій день не успѣлъ выѣхать. Да къ тому-же и содержаніе, ассигнованное членамъ посольства, не было еще получено изъ областнаго казначейства.

А и содержаніе-то было назначено далеко не роскошное. Пяти оберъ-офицерамъ, входившимъ въ составъ посольства, было назначено по 200 руб. подъемныхъ и по 3 р. суточныхъ, выданныхъ впередъ за два мѣсяца. Вотъ и все. Всякій увидитъ, что назначеннаго содержанія было недостаточно, если я приведу нѣкоторыя статьи расходовъ.

По случаю мобилизаціи цѣны на всѣ походныя принадлежности сильно поднялись. Такъ напр., до похода пару вьючныхъ сундуковъ можно было купить за 10—12 руб., теперь же цѣна на нихъ возвысилась до 20—25 руб., а достоинство ихъ было хуже. До похода можно было купить очень порядочную верховую лошадь за 40—50 р. Теперь-же, за относительно плохихъ лошадей, приходилось платить 80, 90 и 100 р. Предположимъ, что я куплю двухъ лошадей, 1 верховую и 1 вьючную, и 1 пару вьючныхъ ящиковъ—вотъ и всѣ подъемныя будутъ израсходованы. А для деньщика какъ ни бейся, иначе нельзя обойтись, какъ купивъ ему длинноухаго скакуна (осла). Теперь—на что же купить другія дорожныя принадлежности? Запасы необходимыхъ пищевыхъ веществъ? Вѣдь мы ѣхали въ страну, о которой только и знали одну фразу изъ давно ученной географіи Ободовскаго, что «Авганистанъ населенъ разбойничьимъ племенемъ; главные города Кабулъ и Гератъ». Я знаю, что нѣкоторые члены миссіи, вслѣдствіе именно незнакомства со страной, взяли въ дорогу по пуду сухарей и болѣе или менѣе значительные запасы сахару, чаю и проч. припасовъ. Хуже всего было то, что никто изъ насъ не зналъ:

что брать и чего не брать. Иногда приходилось даже слышать и такіе курьезы, что въ Кабулѣ существуютъ, навѣрное, англійскіе магазины и что мы встрѣтимъ въ немъ чуть-ли не цѣлый корпусъ «красныхъ мундировъ».—Въ этомъ невѣденіи о странѣ, куда предстояло намъ ѣхать, пришлось купить и везти съ собой нѣкоторыя вещи совсѣмъ не нужныя и на оборотъ, нуждаться въ нѣкоторыхъ существенно необходимыхъ предметахъ.

Однако, какъ ни плохо пришлось мнѣ снарядиться, а когда я выѣзжалъ изъ Самарканда въ Кабулъ, то у меня оставалось въ карманѣ всего нѣсколько десятковъ «теньги» [1]), оставшихся отъ суточныхъ денегъ, выданныхъ за два мѣсяца впередъ. Чѣмъ бы пришлось питаться въ дорогѣ, еслибы не выручало гостепріимство бухарскаго эмира во время пути по бухарскимъ владѣніямъ, и авганскаго—во время проѣзда по Авганистану,—одинъ Аллахъ вѣдаетъ.

Новость — посланіе миссіи въ Кабулъ — разомъ облетѣла весь Ташкентъ. Я былъ засыпанъ со стороны своихъ знакомыхъ офицеровъ вопросами, разспросами, шутками, остротами, пожеланіями и разными соображеніями относительно предстоящаго пути. Всѣ были почему-то увѣрены, что миссія въ Кабулѣ встрѣтитъ чуть-ли не цѣлую англійскую армію. Многіе высказывали предположенія, что миссіи не видать Кабула, «какъ своихъ собственныхъ ушей», что авганскій эміръ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ англичанами и, конечно, не приметъ миссіи. Нѣкоторые сулили намъ всякія бѣды отъ разбойничьяго авганскаго народа, но при этомъ прибавляли, чтобы миссія не робѣла,—вѣдь за нею-де слѣдомъ пойдетъ наше храброе туркестанское воинство, и что если что и случится съ нею, то мы-де выручимъ...

Но въ чаду приготовленій къ отъѣзду, мнѣ было совсѣмъ не до праздныхъ словоизверженій. Болѣе или менѣе важныя указанія и совѣты я получилъ отъ полковника Н. И. Королькова и, признаюсь, они сослужили для меня добрую службу. И. П. Суворовъ также далъ весьма цѣнныя указанія.

26-го мая вся миссія, въ полномъ составѣ, представлялась Туркестанскому Генералъ-Губернатору. Составъ миссіи былъ слѣдующій:

---

[1]) „Теньга"—бухарская серебрянная монета въ 20 к. (номинальная цѣна).

Начальникъ миссіи — генералъ-маіоръ Н. Г. Столѣтовъ; помощникомъ ему былъ назначенъ полковникъ (теперь генералъ-маіоръ) Н. О. Разгоновъ; топографомъ при миссіи Н. А. Бендерскій; затѣмъ переводчикомъ персидскаго языка — подпоручикъ Назировъ; переводчикомъ тюркскихъ нарѣчій — Замаанъ-бекъ-Шихалибековъ; чиновникъ Малевинскій былъ прикомандированъ къ миссіи, какъ знатокъ западно-европейскихъ языковъ и особенно англійскаго. Я же, какъ знаетъ читатель, назначенъ былъ врачемъ при миссіи. Уже въ Самаркандѣ къ миссіи былъ приданъ конвой изъ 22 казаковъ Уральскаго и Оренбургскаго войскъ. Всего 22 казака! Это не то, что конвой англійскаго посольства, сунувшаго было свой носъ въ Кабулъ по примѣру Русской миссіи: тамъ насчитывали до 2000 человѣкъ свиты и конвоя. Въ числѣ конвоировъ была даже артиллерія!

Въ тотъ же день, т. е. 26-го мая, я выѣхалъ изъ Ташкента въ Самаркандъ, а на другой день, въ 6 часовъ дня, я уже взбирался на Чапанъ-атинскія высоты, командующія надъ городомъ и прилегающею мѣстностію.

Путь отъ Ташкента до Самарканда столько разъ былъ описанъ и на столько разныхъ ладовъ, что мнѣ не остается сказать о немъ почти ничего новаго. Но все же я скажу о немъ нѣсколько словъ. Отъ Ташкента до Чиназа, грязнаго во всякое время года городка, совсѣмъ заполоненнаго бурьяномъ, дорога не представляетъ ничего особеннаго.

Отъ Чиназа до Джизака, то же города, одного изъ наиболѣе облюбленныхъ средне-азіатскимъ бичомъ—«риштой»,—степная дорога тоже не представляетъ ничего особеннаго. Тѣмъ не менѣе, я неутомимо смотрѣлъ во всѣ стороны: вѣдь я ѣхалъ по этой мѣстности еще въ первый разъ. Однако эта изъ виду уходящая, какъ скатерть разостланная, ровная степь наводитъ путника на нѣкорыя размышленія. Жирная почва способна была бы производить массу всевозможныхъ, разводимыхъ въ этомъ краѣ, злаковъ и деревьевъ. Многочисленное населеніе могло бы счастливо жить на этой обширной территоріи (около 10,000 кв. верстъ). А между тѣмъ, по дорогѣ вы не встрѣчаете ни одного поселенія, ни одного «кишлака» [1]).

[1]) Кишлакъ — названіе туземнаго селенія.

Лишь изрѣдка вы видите нѣсколько жалкихъ кибитокъ кочевниковъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ вдали отъ дороги. Бездѣлицы не хватаетъ для того, чтобы разцвѣлъ этотъ край, какъ садъ... воды! Дѣло въ томъ, что на всемъ протяженіи отъ Чиназа до Джизака—болѣе 100 верстъ,—находится всего 4—5-ть колодцевъ, гдѣ съ трудомъ можно достать воду, съ грязью пополамъ и омерзительную на вкусъ. На всемъ этомъ протяженіи нѣтъ ни одного ручья, ни одной рѣчки, и вотъ почему эта богатая черноземная почва населена только лишь пресмыкающимися разныхъ видовъ, начиная отъ черепахи и кончая фалангой; вотъ почему эта обширная мѣстность названа «Голодной степью». Но было же, вѣроятно, время, когда эта мѣстность была садомъ, богатымъ и дарами природы и населеніемъ? На подобное предположеніе наводятъ путника едва различимые слѣды оросительныхъ канавъ, пересѣкающихъ степь въ разныхъ направленіяхъ. Несомнѣнно, что по нимъ текла вода,—жизненный элексиръ для средне-азіатскихъ пустынь. Невольно задаешься мыслью: когда же это было? Какъ давно стала пустовать эта богатая почва? Но едва ли кто въ состояніи положительно отвѣтить на этотъ вопросъ. Уже историки Александра Македонскаго описываютъ эту мѣстность, какъ безводную пустыню. Китайскій путешественникъ Сюань-Цань (въ VII вѣкѣ по Р. Хр.) тоже описываетъ это пространство, какъ пустыню. А затѣмъ и Арабскіе географы и путешественники также говорятъ объ этой пустынѣ, какъ о совершенно безводной. Народная память не сохранила никакого преданія о времени процвѣтанія этой мѣстности.

Но въ настоящее время для нея снова загорается заря жизни. Туркестанская администрація нашла возможнымъ оросить эту богатую почву. Уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тысячи туземцевъ работаютъ надъ грандіознымъ каналомъ, имѣющимъ призвать къ жизни эту мертвую мѣстность. Лишь только планъ осуществится, лишь только степь изрѣжется оросительными каналами—какъ вся мѣстность будетъ быстро заселена и сдѣлается настоящей житницей не только русскаго Туркестана, но и всей Средней Азіи. Орошеніе и заселеніе этой степи, въ связи съ проведеніемъ въ Туркестанскій Край желѣзной дороги, въ состояніи произвести сильный экономическій переворотъ въ Средней Азіи. Понятно, что

этотъ результатъ получится только тогда, когда если не вся, то большая часть степи получитъ воду. Отводный каналъ изъ Сыръ-Дарьи, откуда хотятъ провести воду, потребуетъ конечно массу воды для орошенія такого огромнаго пространства. Но Сыръ-Дарья въ состояніи дать такое количество воды, хотя отъ этого судоходность ея и можетъ значительно пострадать, вслѣдствіе могущаго еще болѣе усилиться мелководія рѣки. Но объ этомъ горевать нечего. Судоходство по Сыръ-Дарьѣ, въ его настоящемъ видѣ, не приноситъ почти никакой пользы для страны, и только служитъ къ отягощенію ея бюджета содержаніемъ никуда негодныхъ пароходовъ и судовъ мѣстной флотиліи. Въ высшей степени желательно, чтобы главный оросительный каналъ былъ поскорѣе оконченъ, ибо — повторяю — орошеніе «Голодной степи» имѣетъ огромное значеніе для будущности не только Туркестанскаго Края, но и вообще Россіи въ Средней Азіи.

Но и въ настоящее время не всегда эта степь такъ безотрадно-гола, какъ теперь, когда я ѣхалъ по ней, въ концѣ мая. Ранней весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, она представляетъ собою сплошной роскошный лугъ, покрытый густымъ ковромъ зелени. Масса разнообразныхъ цвѣтовъ, разбросанныхъ по степи, рябитъ въ глазахъ. Воздухъ упоительно благоухаетъ ароматами степныхъ травъ и цвѣтовъ—не надышешся имъ до-сыта.—Теперь же—знойное южное солнце давно уже сожгло малѣйшіе остатки зелени. Теперь вся эта обширная степь представлялась огромной раскаленною печью. Желто-бурая поверхность почвы испещрялась только изрѣдка попадающимися по дорогѣ небольшими черепахами, а горизонтъ разнообразился замѣчательными картинами степнаго марева: лѣса и рѣки манятъ вашъ воспаленный отъ нестерпимаго зноя взоръ; но причудливыя ихъ очертанія ежеминутно измѣняются — и тѣмъ говорятъ путнику о недѣйствительности этихъ видовъ.

Медленно, дрянной рысцой, плетутся почтовыя лошади, тяжело дыша и уныло позвякивая подвѣшеннымъ подъ дугою коренника традиціоннымъ колокольчикомъ. Жара, медленность ѣзды и это непрерывное, монотонное позвякиванье колокольчика — наводятъ на сѣдока какое-то оцѣпенѣніе. Глядя на него, нельзя сказать, что онъ спитъ, но и нельзя сказать также, что онъ бодрствуетъ. —

Вотъ лошади пошли шагомъ, тише, тише... и наконецъ совсѣмъ встали. Вы съ трудомъ выходите изъ своего оцѣпенѣнія, открываете глаза и видите, что ямщикъ — обыкновенно мальчуганъ-киргизъ—отвязываетъ задымившуюся пристяжную. Отвязавъ, онъ бросаетъ ее тутъ же, въ степи, безъ всякаго присмотра, даже не спутавъ ногъ—не уйдетъ. Гдѣ уйти: лошадь еле-еле передвигаетъ ноги... Не торопясь, ямщикъ опять лѣзетъ на облучекъ, вотъ онъ махнулъ варовымъ кнутомъ; двѣ оставшіяся лошади, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ сдвинуть громоздкую «трашпанку», наконецъ поплелись шажкомъ—и опять вами овладѣваетъ прежнее оцѣпенѣніе....

Я наконецъ за Джизакомъ. Горный потокъ шумно несетъ свои жиденькія мутныя воды. Впереди у меня виднѣется знаменитое ущелье, «Ворота Тамерлана». Грандіозныя вереи этихъ «воротъ» образованы отвѣсно спускающимися къ потоку скалами, въ нѣсколько сотъ футъ вышины. На отвѣсной, высокой скалѣ, съ правой стороны ущелья, саженяхъ въ 5-ти отъ земли, находятся слѣдующія надписи, изсѣченныя по персидски: «Да вѣдаютъ проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанищамъ на сушѣ и водѣ, что въ 979 году здѣсь происходило сраженіе между отрядомъ вмѣстилища калифатства, тѣни Всевышняго, великаго хакана Абдулла-хана [1]), сына Искандеръ-ханова, въ 30 тыс. челов. боеваго народа и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей. Сказаннаго отряда (было) всего: родичей султановъ до 50 тыс. челов. и служащихъ людей всего до 400 тыс. изъ Туркестана, Ташкенда, Ферганы и Дешта—Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду. Побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смерти, что отъ людей, убитыхъ въ сраженіи и въ плѣну, въ теченіи одного мѣсяца въ рѣкѣ Джизакской (рѣчка Джеланъ-ута), на поверхности воды, текла кровь. Да будетъ это извѣстно»!

Выше этой надписи находится другая, тоже на персидскомъ языкѣ:

---

[1]) Абдулла-ханъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей династіи Шейбанидовъ, управлялъ Бухаріею во второй половинѣ 16-го столѣтія (родился въ 1538 г., умеръ 1597 г.).

«Съ помощію Господа Бога, великій султанъ, покоритель царей и народовъ, тѣнь Божія на землѣ, подпора постановленій сунны и закона Божескаго, государь вспомоществующій вѣрѣ, Улугъбегъ-Гуруганъ (да продлитъ Богъ время его царствованія и его правленія), предпринялъ походъ въ страну Джеты и Монголовъ и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ въ 828 новолунномъ году» [1]).

Чѣмъ болѣе вы приближаетесь къ Самарканду, тѣмъ все яснѣе и яснѣе начинаютъ выступать на юго-восточномъ горизонтѣ снѣжныя вершины Туркестанскаго и Зеравшанскаго горныхъ хребтовъ.

Великаны горы выростаютъ передъ вами по часамъ. То, что нѣсколько часовъ тому назадъ терялось въ неясной дымкѣ воздушной перспективы, — теперь пріобрѣтаетъ болѣе очерченный рельефъ.—Рѣзкіе контуры кряжа горъ начинаютъ вырисовываться болѣе опредѣленно.

Вы находитесь за двѣ станціи до столицы азіатскаго завоевателя, Тамерлана. Эта станція называется Каменный мостъ.—Черезъ нѣсколько верстъ отсюда начинается воздѣланная долина Зеравшана, «Золотораздавателя» [2]) Средней Азіи.—Издали этотъ зеленѣющій, безконечный садъ, какимъ представляется долина, поражаетъ васъ своей роскошною растительностію. Но вотъ, вы въѣхали въ него — и очутились въ болотѣ: кругомъ — сады, перемѣжающіеся съ затопленными полями; вездѣ вода, а гдѣ ея нѣтъ, то и тамъ страшно грязно и сыро. Но за то вы ѣдете по прекрасно шоссированной дорогѣ. Такое шоссе тянется вплоть до Самарканда, верстъ на 30. Потомъ постепенно, съ каждымъ шагомъ впередъ, вы начинаете различать густой шумъ, какъ бы ревъ водопада. Черезъ нѣсколько времени вы выѣзжаете на берегъ «Златоносной» рѣки, и ея ревъ положительно оглушаетъ васъ.

Теперь вамъ придется совершить маленькую прогулку въ по-

---

[1]) Переводъ этихъ надписей приведенъ изъ книги Лерка: «Археологическая поѣздка въ Туркест. Край». Спб., 1870 г.

[2]) Буквальный переводъ слова Зеравшанъ.

возкѣ по водѣ, несущейся съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука; мостовъ на рѣкѣ нѣтъ. Уровень воды, однако, настолько высокъ, что въ обыкновенной почтовой повозкѣ проѣхать нельзя, если не хотите, чтобы вы плавали въ ней. Тогда происходитъ перекладка вашего скарба изъ почтовой повозки въ арбу. Огромный діаметръ колесъ ея въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе кстати. Вы совершаете ваше переселеніе и погружаетесь въ рѣчныя волны, бѣшено вырывающіяся изъ подъ арбы. Вы ждете, что вотъ-вотъ арба опрокинется подъ страшнымъ напоромъ воды и тогда — поминай какъ звали и вашъ багажъ, да, пожалуй, и васъ самихъ. Вода иногда бываетъ такъ глубока, что лошади, везущія арбу, погружаются въ ней всѣмъ тѣломъ. Но туземецъ-перевозчикъ весь свой вѣкъ прожилъ въ подобномъ занятіи и на столько опытенъ въ этомъ дѣлѣ, что вы ему можете смѣло ввѣрить руль оригинальнаго парома. Тѣмъ не менѣе, впереди ѣдетъ верховой и показываетъ дорогу. Приходится переѣхать такимъ образомъ черезъ нѣсколько рукавовъ рѣки, всего на протяженіи около 2-хъ верстъ.

На противоположной сторонѣ рѣки васъ поражаетъ остатокъ когда-то существовавшаго здѣсь каменнаго моста. Двѣ уцѣлѣвшія арки высоко возвышаютъ свои своды, свидѣтельствуя о прочности постройки и объ искусствѣ людей когда-то, въ неизвѣстныя времена, строившихъ этотъ мостъ. Современный Самаркандъ едва ли скоро дождется моста и, по всей вѣроятности, еще долго вольные и невольные туристы и обыватели будутъ пользоваться, при переправѣ черезъ рѣку, выгоднымъ діаметромъ арбянаго колеса.

Передъ вами подъемъ въ гору. Гора эта—Чапанъ-ата, гдѣ 1-го мая 1868 г. эмиръ Бухарскій Мозафаръ-ханъ былъ разбитъ на голову наступавшими на него туркестанскими войсками. Вы поднялись на гору—и передъ вами открывается одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ Средней Азіи. Не даромъ это мѣсто было любимымъ становищемъ Великаго Азіатца — Тамерлана. — Самаркандъ, съ его величавыми памятниками былой славы, находится у васъ весь на виду, точно на ладони. А за нимъ, и кругомъ него, разстилается, уходящая изъ глазъ, великолѣпная, зеленѣющая долина Зеравшана. Еще дальше—громаднымъ поясомъ обхватываютъ рав-

нину горы, мѣстами, а особенно къ востоку, высоко и гордо подымающія свои снѣжныя вершины. Другой, хотя и не столь знаменитый государь, какъ Тимуръ, но вѣроятно не меньшій, чѣмъ онъ, эстетикъ, султанъ Баберъ, сравниваетъ Самаркандъ съ другими мѣстами извѣстнаго ему тогдашняго міра и отдаетъ пальму первенства ему-же. Только Кабулъ, этотъ по преимуществу излюбленный имъ городъ, могъ успѣшно выдержать въ его глазахъ сравненіе съ Самаркандомъ.

Вы въѣзжаете въ лѣсъ садовъ, нѣсколько разъ спускаетесь и снова поднимаетесь въ гору, при чемъ приходится экипажъ тормозить, и затѣмъ, сдѣлавъ послѣдній спускъ, вы становитесь лицомъ къ лицу съ знаменитыми постройками Тимуридовъ: медрессе и мечетями. Многолюдная, разношерстная толпа шумитъ у вашихъ ногъ; вы находитесь на центральномъ базарѣ Самарканда. Ямщикъ-киргизъ въ это время погоняетъ лошадей особенно усердно, желая щегольнутъ своимъ искусствомъ передъ туземцами— и лошади несутся въ карьеръ, пока не покажутся стѣны и бастіоны цитадели. Теперь колокольчикъ отвязывается, а лошади пускаются шагомъ. Вы въѣзжаете въ русскій городъ.

При самомъ въѣздѣ въ городъ вамъ бросается въ глаза широчайшая улица, такъ называемый «Абрамовскій» бульваръ. Ширина этой улицы, съ бульваромъ посрединѣ, засаженнымъ деревьями, простирается до 50 саженъ. — Русскій Самаркандъ поражаетъ васъ правильностію и широтою улицъ, но также и... пустынностью ихъ, также и излишнимъ обиліемъ пыли, глубокимъ слоемъ лежащей на улицахъ, тротуарахъ и деревьяхъ. Улицы здѣсь, въ противуположность Ташкенту, поливаются очень рѣдко. Но вотъ, наконецъ, и вожделѣнный станціонный домикъ. Войдемъ въ него.

Отъ городскаго станціоннаго дома путнику позволительно ожидать нѣсколько болѣе удобствъ, чѣмъ отъ затерявшейся въ необъятной степи, обыкновенной почтовой станціи-мазанки. — Напрасное ожиданіе: вамъ и здѣсь придется обойтись безъ всякихъ удобствъ. Ну, что-жъ! Обойдемся и безъ нихъ. Путешественникъ по Средней Азіи до того свыкается въ дорогѣ со всевозможными лишеніями, что потомъ совершенно равнодушно относится къ отсутствію удобствъ даже тамъ, гдѣ можно было бы съ полнымъ правомъ разсчитывать

на нихъ. Не смотря на то, что мнѣ пришлось проспать всю ночь на сдвинутыхъ вьючныхъ ящикахъ, я спалъ отлично и ни разу даже не повернулся съ одного бока на другой, хотя жесткое ложе должно было сильно давать себя чувствовать моимъ бокамъ.

На слѣдующій день я долженъ былъ приняться за окончательное снаряженіе въ путь. Но дольше оставаться на станціи было неудобно. Въ городѣ же была всего одна только гостинница, да и та была вся занята. Надо было отыскать частное помѣщеніе. За 60 коп. въ сутки я нанялъ себѣ цѣлый домъ, конечно безъ мебели. Спать пришлось и здѣсь на тѣхъ же сдвинутыхъ вьючныхъ ящикахъ. Кстати, скажу здѣсь нѣсколько словъ о нихъ, а также и вообще о вьючкѣ.

Вьючные ящики составляютъ незамѣнимое перевозочное средство въ гористыхъ мѣстностяхъ Средней Азіи. Въ здѣшнихъ горахъ правильныхъ, разработанныхъ дорогъ не существуетъ; есть только тропы. Понятно, что по нимъ ни на какомъ колесномъ экипажѣ нельзя перевозить что бы то ни было. Существуетъ только одинъ способъ перевозки — вьючный. Лошадь, оселъ, быкъ, (въ горахъ Гиндукуша) верблюдъ — сѣдлаются особыми, такъ называемыми, вьючными сѣдлами; туземцы называютъ ихъ «паланами». Эти «паланы» состоятъ изъ деревяннаго, скрѣпленнаго гвоздями и ремнями арчака или скелета сѣдла. Арчакъ обвивается кошмами въ нѣсколько рядовъ. Образуется желобоватая, длиною въ 1½—2 фута, довольно мягкая и довольно упругая, вогнутая подушка. Къ этой подушкѣ прикрѣпляютъ обыкновенныя подпруги, нагрудники и захвостники— и «паланъ» готовъ. Это—туземное вьючное сѣдло. Въ частяхъ войскъ Туркестанскаго Округа употребляется вьючное сѣдло другаго образца (вѣроятно такое, какое принято во всей нашей арміи). Оно состоитъ изъ короткаго (около 1 ф. длины) арчака, который не обвивается кошмой, а подъ него кладутся уже готовые войлочные потники. Этотъ образецъ сѣдла, по моему мнѣнію, совсѣмъ не долженъ быть употребляемъ въ гористой мѣстности, особенно въ дорогѣ съ частыми и крутыми спусками и подъемами. При подъемѣ и спускѣ такое сѣдло постоянно наклоняется то впередъ, то назадъ, по причинѣ очень короткой своей продольной оси. А это обстоятельство, не только затрудняетъ движеніе вьючнаго животнаго вслѣдствіе частаго перемѣ-

щенія центра тяжести лежащаго на немъ вьюка, но и увеличиваетъ вѣсъ его, а самое главное—скоро наминаетъ спину животному и, слѣдовательно, дѣлаетъ его совершенно не способнымъ къ дальнѣйшей работѣ. На ровной дорогѣ, при употребленіи этого сѣдла, такихъ послѣдствій, конечно, можетъ и не быть. Но, вѣдь, на ровной дорогѣ весьма рѣдко можетъ быть необходимъ вьючный обозъ; онъ предназначается почти исключительно для мѣстностей трудно проходимыхъ, гористыхъ.

Но вотъ животное засѣдлано; надо его вьючить. Теперь-то и нужны вьючные ящики, такъ называемые здѣсь «яхтаны». Яхтанъ есть ничто иное, какъ кожаный сундукъ. Его устройство слѣдующее: деревянная рама, имѣющая видъ куба, обтягивается прочной, толстой кожей; эта кожа вышивается иногда различными фигурными украшеніями, или изъ разноцвѣтной кожи, или изъ шелка. Часто яхтаны раскрашиваются въ разные цвѣта и оковываются, для прочности, желѣзомъ. У авганъ употребляются исключительно окованные желѣзомъ яхтаны [1]). Внутри ящикъ обивается дешевой бумажной матеріей. У крышки, которой закрывается сундукъ сверху, существуетъ пробой, на который накладывается цѣпь, идущая отъ нижняго края ящика; такимъ образомъ сундукъ можно запирать замкомъ. Крышка ящика укрѣплена на шарнирахъ. Въ стѣнкѣ ящика, противоположной пробою, т. е. задней, укрѣплены два крѣпкіе, сшитые изъ нѣсколькихъ кожъ, ремня; на концахъ ремней находятся пряжки, въ которыя пропускаются ремни отъ другаго парнаго ящика. Такимъ образомъ каждая пара ящиковъ соединяется помощію двухъ паръ ремней, застегиваемыхъ въ пряжки. Теперь остается только наложить соединенные такимъ образомъ ящики на сѣдло, причемъ одинъ ящикъ ляжетъ съ правой стороны, а другой—съ лѣвой. Затѣмъ они крестообразно укрѣпляются на сѣдлѣ еще веревкой, проведенной подъ брюхомъ лошади; при этомъ необходимо наблюдать, чтобы веревка (въ большинствѣ случаевъ волосяной арканъ) ложилась какъ разъ на подпругу. Въ противномъ случаѣ, лошадь, черезъ нѣсколько верстъ пути, можетъ совершенно испортить себѣ брюхо веревкой. Для того, чтобы лучше предохранить лошадь отъ пораненія вьючной веревкой,

---

[1]) Авганы называютъ вьючные ящики—«бархана».

лучше всего эту послѣднюю обматывать кошмой. Когда все это сдѣлано—лошадь завьючена; или, какъ говорится, — «вьюкъ готовъ».

Вьючные ящики бываютъ разной величины, смотря по тому—для какого животнаго они предназначены. Понятно, что для верблюда они будутъ значительно больше, чѣмъ для лошади или осла (ишака). Но, въ большинствѣ случаевъ, они предназначены для лошади; поэтому я здѣсь даю величину лошадиныхъ вьючныхъ ящиковъ. Длина каждаго ящика—отъ 2-хъ до $2^1/_2$ футовъ, ширина $1^1/_2$—$1^3/_4$ ф. и вышина $1^1/_2$ фута. Прочно сдѣланные ящики служатъ долго; иногда они отличаются даже изяществомъ работы; иногда бываютъ украшены рельефными, вышитыми изъ кожи, украшеніями, изображающими людей, звѣрей, различные сосуды и т. п. Въ пару такихъ ящиковъ можно наложить грузъ въ 5—6 пудовъ, разсчитывая на лошадь средней силы. Накладывать вьюкъ большаго вѣса неудобно; лошади не такъ быстро устаютъ, какъ портятъ себѣ вьючнымъ сѣдломъ спину. Въ сильно гористыхъ мѣстностяхъ даже и этотъ вьюкъ великъ.

Понятно, что вмѣсто вьючныхъ ящиковъ можно употреблять мѣшки разнаго рода. Но они, не говоря уже о непрочности и вредной ихъ порозности, не такъ удобны для вьючки и по другимъ причинамъ; ихъ труднѣе уравновѣсить и укрѣпить на сѣдлѣ. Гораздо удобнѣе ихъ такъ называемые «хоржумы». Это ничто иное, какъ сшитые изъ толстой шерстяной ткани переметныя, засѣдельныя сумы. Въ этомъ случаѣ двѣ сумы, плотно сшитыя верхними концами одна съ другой, вмѣстимостью въ три, четыре мѣры каждая, помѣщаются по обѣ стороны сѣдла, на которомъ и укрѣпляются веревками. Я испробовалъ всѣ эти способы вьючки и, конечно, отдаю преимущество первому, т. е. яхтанамъ. Итакъ, вотъ на какомъ ложѣ мнѣ пришлось спать и въ моемъ новомъ, обширномъ (5 комнатъ), но совершенно пустынномъ помѣщеніи.

Прежде всего, надо было закупить лошадей. Я въ первый еще разъ въ жизни снаряжался въ походъ; верхомъ ѣздить началъ только въ Ташкентѣ, т. е. менѣе года тому назадъ, и зналъ толкъ въ лошадяхъ немного болѣе, чѣмъ въ китайской грамотѣ. Поэтому выборъ лошадей былъ для меня весьма затруднителенъ. Конечно, какъ новичекъ въ этомъ дѣлѣ, я отдавалъ предпочтеніе наружнымъ, ярко бро-

сающимся въ глаза, лошадинымъ достоинствамъ. Меня плѣняли ростъ лошади, игра, масть, — и при этомъ я не имѣлъ понятія о томъ, что значитъ, что лошадь имѣетъ крѣпкія ноги. Мнѣ было очень досадно, что я не могъ, по ограниченности средствъ, купить одного рослаго, виднаго, игриваго коня, за котораго продавецъ — сартъ просилъ 160 руб. Впрочемъ я потомъ былъ очень доволенъ, что не купилъ подобнаго коня. Въ длинномъ, трудномъ, а особенно горномъ, походѣ, подобныя, такъ называемыя степныя лошади (аргамаки) — никуда не годятся; онѣ весьма быстро разбиваются на ноги. А излишняя игривость коня въ пути можетъ довести всадника до того, что онъ готовъ промѣнять его на первую попавшуюся клячу. Будь хоть изъ желѣза скованный всадникъ — и тотъ почувствуетъ себя не совсѣмъ пріятно, если онъ протанцуетъ на конѣ сегодня 40 верстный переходъ, завтра тоже, да и во всѣ слѣдующіе дни также. А иногда намъ приходилось дѣлать переходы по 60-ти верстъ въ сутки. Дневокъ не полагалось.

Но долго выбирать, однако, совсѣмъ не приходилось; генералъ Столѣтовъ торопилъ всѣхъ поспѣшить снаряженіями. Да и не изъ чего было долго выбирать-то. До пріѣзда миссіи въ Самаркандъ, здѣсь была уже закончена мобилизація мѣстнаго гарнизона, состоящаго изъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ казачьихъ полковъ, съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи. Во всѣхъ этихъ частяхъ войскъ, конечно, послѣдовало укомплектованіе, по военному времени, и обозовъ и запасныхъ верховыхъ лошадей. Все это потребовало довольно значительнаго количества лошадей, поставленныхъ мѣстнымъ населеніемъ. Поэтому миссія могла выбирать только изъ остатковъ отъ мобилизаціи, изъ бракованныхъ лошадей. И дѣйствительно, пришлось купить нѣсколько такихъ лошадей, которыя были нами брошены послѣ нѣсколькихъ дневныхъ переходовъ.

Я, однако, (конечно независимо отъ самого себя, а именно только благодаря случаю) купилъ своихъ лошадей довольно удачно. Двѣ изъ нихъ (всѣхъ купилъ три, такъ что и деньщикъ избавился отъ удовольствія ѣхать на ослѣ) сдѣлали весь путь въ Кабулъ и обратно, что называется, безъ всякой запинки. Одинъ конь—небольшой горный киргизъ, иноходецъ,—обладалъ нѣкоторыми капи-

тальными достоинствами: силой, крѣпостью ногъ и необычайно-быстрыми аллюрами.

Между хлопотами по снаряженію,—хлопотами, всю мелочность и мѣшкотность которыхъ не сможетъ себѣ и представить житель Европы (надо было предусмотрѣть и закупить всякую мелочь, начиная съ носковъ, спичекъ, бумаги, прессованной капусты и кончая запасными подковами, гвоздями, нитками, шиломъ и т. п.)—я поспѣшилъ познакомиться съ городомъ. Мой первый визитъ былъ сдѣланъ, конечно, губернатору Самарканда, который, скажу мимоходомъ, имѣетъ прекрасный обычай оставлять обѣдать у себя всѣхъ пріѣхавшихъ и сдѣлавшихъ ему визитъ путешественниковъ,—обычай особенно прекрасный для Самарканда, гдѣ существуетъ всего одинъ ресторанъ (въ которомъ, впрочемъ, даютъ ѣсть не каждый день). Этотъ похвальный обычай приноситъ обоюдную пользу и хозяину и гостямъ. Генералъ Ивановъ, снискавшій себѣ любовь мѣстнаго населенія своею административною дѣятельностью, имѣетъ возможность такимъ образомъ знакомиться съ массой людей, что безъ сомнѣнія приноситъ ему немалую пользу въ дѣлѣ изученія жизни вообще и управляемаго имъ края въ частности. Для путешественниковъ же, послѣ утомительнаго пути по степи, польза сытнаго и вкуснаго обѣда несомнѣнна.

Затѣмъ я отправился въ здѣшній военный госпиталь. Здѣсь у меня былъ одинъ знакомый ординаторъ, не за долго передъ тѣмъ перешедшій изъ Ташкента въ Самаркандъ. Мнѣ надо было повидать его, а кромѣ того, мнѣ интересно было сравнить Самаркандскій госпиталь съ Ташкентскимъ. Въ этомъ случаѣ во мнѣ, какъ молодомъ врачѣ, сильно сказывалась жилка научно-практическаго соревнованія.

Но для того, чтобы посѣтить госпиталь, надо было поѣхать за городъ, разумѣя подъ городомъ только русскій Самаркандъ (ибо русскій городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ на многіе версты туземнымъ городомъ). Верстахъ въ 5-ти отъ русскаго города, по Катта-Курганской дорогѣ, или собственно, по бухарскому тракту, въ обширномъ, но довольно пустынномъ и не особенно тѣнистомъ саду, было расположено лѣтнее помѣщеніе Самаркандскаго госпиталя. Нѣсколько бараковъ и палатокъ были скучены въ центрѣ огромнаго пустыря.

Передъ аптекой—небольшой прудъ, окруженный вѣчной тѣнью огромныхъ карагачей, обрамлявшихъ его со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько другихъ пристроекъ, также очень легкихъ, было разбросано въ разныхъ мѣстахъ сада. Въ нихъ помѣщались: госпитальная администрація, нѣкоторые изъ врачей и госпитальная прислуга. Больные помѣщались въ обширныхъ палаткахъ. Здѣсь я узналъ, что нѣкоторые изъ врачей несли не только двойное бремя обязанностей—это въ Туркестанскомъ краѣ обычное явленіе,—но даже тройное и четверное. Такъ наприм., одинъ изъ здѣшнихъ врачей завѣдывалъ санитарною частью одного батальона, въ то же время (состоя единственнымъ врачемъ въ батальонѣ) завѣдывалъ нѣсколькими палатами въ госпиталѣ, былъ единственнымъ преподавателемъ фельдшерской школы и секретаремъ медицинскаго совѣщанія. Замѣчу, что мѣсто стоянки батальона было довольно значительно удалено отъ госпиталя. Вообще недостатокъ во врачахъ въ Туркестанскомъ краѣ всегда ощущается довольно сильный. Слѣдуетъ замѣтить, а тѣмъ кому надлежитъ, принять это къ свѣдѣнію, что врачи постоянно исправляя по 2 и 3 должности, лишены преимуществъ, присвоенныхъ служащимъ по совмѣстному отправленію заразъ нѣсколькихъ должностей. Во всякомъ другомъ вѣдомствѣ лица, исправляющія должность нѣсколькихъ постовъ, получаютъ или всѣ оклады жалованья, присвоенные означеннымъ должностямъ, или къ своему штатному окладу жалованья получаютъ половинные изъ тѣхъ, должность которыхъ они правятъ. Врачи не имѣютъ этихъ привиллегій. Хотя бы врачъ разрывался на части, исполняя прямыя и всевозможныя косвенныя обязанности, онъ всегда получаетъ только то, что присвоено его штатному мѣсту. Между тѣмъ вопросъ объ увеличеніи врачамъ ихъ, по истинѣ, нищенскаго содержанія хотя и былъ возбуждаемъ много разъ въ надлежащихъ правительственныхъ сферахъ, но рѣшенія не получилъ еще и до сихъ поръ. Вообще врачи военнаго вѣдомства, не смотря на то, что заслуживаютъ, по своей дѣятельности, величайшей признательности какъ арміи, общества, такъ и начальства [1])—далеко не пользуются тѣми правами и тѣмъ положеніемъ, которыя вполнѣ ими заслужены. Впрочемъ, теперь я за-

---

[1]) Прошу не смотрѣть на это выраженіе, какъ на «oratio pro domo sua».

трогиваю такой вопросъ, который потребовалъ бы обширнаго, спеціальнаго обсужденія; поэтому я умолкаю, по крайней мѣрѣ, на время, до болѣе подходящаго случая.

Главный врачъ госпиталя, съ которымъ я познакомился еще ранѣе, встрѣтилъ меня, какъ стараго знакомаго и обязательно разсказалъ мнѣ о санитарныхъ условіяхъ госпиталя и вообще Самарканда. Я исходилъ весь садъ вдоль и поперегъ, заглянулъ и въ аптеку и въ кухню; полюбопытствовалъ даже, какъ смотритель госпиталя чинилъ судъ и расправу въ камышевомъ баракѣ, долженствовавшемъ изображать изъ себя канцелярію госпиталя. Я полюбопытствовалъ также узнать, что находится за высокими глинобитными стѣнами сада. Но тамъ были такіе же сады—копіи съ изслѣдуемаго мною (за исключеніемъ госпитальныхъ построекъ). Вообще мѣстность для лѣтняго помѣщенія госпиталя выбрана какъ нельзя болѣе удачно: Вся эта часть города, высоко поднимающаяся надъ долиной Зеравшана, занята сплошными садами. Воздухъ необыкновенно чистъ и свѣжъ, что составляетъ рѣдкость даже и въ лѣтнихъ помѣщеніяхъ госпиталей. Если бы здѣсь (т. е. въ саду госпиталя) было побольше тѣни, тогда было бы просто прелестно. Я съ отраднымъ чувствомъ оставилъ это учрежденіе.

Дома, по возвращеніи изъ госпиталя, я встрѣтилъ только-что пріѣхавшаго изъ Ташкента фельдшера, назначеннаго мнѣ въ помощники. Онъ привезъ аптеку, снаряженную для миссіи. Пришлось снова приняться за упаковку и укладку аптечныхъ средствъ во вьючные ящики. Упаковка эта требовала большой предусмотрительности и предосторожности. Многіе изъ медикаментовъ были отпущены въ жидкомъ видѣ и находились въ обыкновенныхъ тонкостѣнныхъ стклянкахъ. Были сильныя кислоты, тоже въ стклянкахъ, наконецъ, былъ запасъ пустой стеклянной посуды. Малѣйшая неаккуратность въ укупоркѣ могла потомъ обусловить совершенное или болѣе или менѣе значительное уничтоженіе аптечныхъ средствъ. А онѣ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, сослужили свою службу, и притомъ немалую. Съ аптекой пришлось провозиться два дня.

Въ это же время генералъ Столѣтовъ передалъ мнѣ ртутный барометръ и 1 термометръ Цельсія. Надо было хорошенько упаковать барометръ. Я взялъ себѣ эти инструменты въ видахъ болѣе

удобнаго производства метеорологическихъ наблюденій. Начальникъ миссіи предполагалъ, что въ Авганистанѣ нельзя будетъ открыто производить ни съемки маршрута, ни метеорологическихъ наблюденій. Въ этомъ отношеніи намъ всѣмъ еще были памятны случаи гг. Пржевальскаго и Куропаткина во время ихъ путешествій по Кашгаріи. Наблюденія имъ приходилось дѣлать украдкой, въ виду рѣшительнаго противодѣйствія мѣстныхъ туземныхъ властей производству подобныхъ наблюденій. Такого же противодѣйствія мы ожидали и отъ авганскихъ властей. Вотъ почему я и предложилъ ген. Столѣтову свои посильныя услуги. Здѣсь, въ средней Азіи, чего нельзя дѣлать другому европейцу, то врачу, окруженному въ глазахъ туземцевъ чуть ли не ореоломъ всемогущества,—можно. Вотъ поэтому-то я и думалъ, что, не навлекая подозрѣній, могу производить наблюденія, объяснивъ это просто требованіями своей науки. Послѣдствія до нѣкоторой степени оправдали мое предположеніе.

Пока шли подобныя приготовленія, почти вся миссія собралась въ Самаркандѣ. Отсутствовалъ только полковникъ Разгоновъ. Уже два дня прошло, какъ миссія совершенно была готова къ выступленію, а полковника Разгонова все еще не было; онъ пріѣхалъ только 1-го іюня. Въ одинъ изъ проведенныхъ здѣсь мною дней, я воспользовался случаемъ побывать въ здѣшнемъ импровизированномъ театрѣ. Сюда на лѣто только-что переѣхала Ташкентская драматическая труппа. Давали ни больше ни меньше, какъ «Свадьбу Кречинскаго»! Исполненіе было, конечно, плохое. Однако, вотъ куда уже проникаетъ русское искусство! Ничего нѣтъ мудренаго поэтому, если въ одинъ прекрасный вечеръ , можно будетъ слушать русскую оперу въ Бухарѣ.

Самаркандъ—конечно русскій—живетъ всего только 10-ть лѣтъ, а посмотрѣть на него, такъ это совершенно европейскій городъ; въ немъ есть и общественное собраніе, и женская прогимназія, и даже городская (земская) аптека съ безплатной раздачей лекарствъ бѣднымъ туземцамъ. Немногіе уѣздные города въ Европейской Россіи обладаютъ подобными учрежденіями.

ГЛАВА II.

Самаркандъ.—Карши.

От Самарканда до Джама.—Общее описаніе мѣстности.—От Джама до Чпракчи.—Бухарское гостепріимство.—Въѣздъ въ Карши.—Жизнь миссіи въ Карши.—Аудіенція миссіи у эмира бухарскаго Сеидъ-Музафаръ-эд-динъ-хана.—Бухарскія увеселенія; бани.—Французъ Филиппъ.

2-го іюня, около 12 часовъ дня, миссія въ полномъ составѣ собралась въ домѣ генерала Иванова.

Обширный дворъ передъ домомъ былъ заставленъ вьючными и верховыми лошадьми; въ разныхъ мѣстахъ кучками лежали вещи, предназначенныя для вьючки. Нѣсколько человѣкъ туземцевъ, крича во все горло, хлопотали около одной упрямой и пугливой лошади, никакъ не позволявшей положить на себя вьюкъ; она брыкалась, дрожа всѣмъ тѣломъ при видѣ громоздкой палатки, которую хотѣли взвалить на ея спину. Наконецъ ей набросили на голову какую-то попону—и дѣло уладилось. Деньщики радѣли около «господскихъ» коней и вьюковъ и занимались глубокомысленными соображеніями: чья лошадь выдержитъ лучше походъ; которая моложе, быстроходнѣе и т. п. Это вызвало у нихъ довольно оживленный споръ. Понятно, что каждый изъ нихъ выхваливалъ свое и бѣднымъ лошадямъ строгіе оцѣнщики порядочно намяли бока и ноги.

Двѣ дюжины казаковъ кучкой столпились у воротъ, вперемежку со своими «меренками». Бравый вахмистръ, съ весьма сильно развитой растительностью на лицѣ, производилъ сильное впечатлѣніе своимъ суровымъ, какъ-бы закаленнымъ, видомъ. На его груди болтался чуть-ли не цѣлый бантъ «георгіевъ» и нѣсколько медалей. Казаки были выбраны всѣ точно на подборъ, высокіе, бравые, съ видомъ того закала, который можетъ дать человѣку лишь продолжительная степная жизнь, полная всякихъ приключеній.

Пуще всѣхъ работалъ и кричалъ, завьючивая лошадей, караванъ-баши вьючнаго обоза, Раджабъ-Али. Онъ рѣзко выдѣлялся

своею фигурою изъ среды туземцевъ-джигитовъ и лаучей [1]). Высокій ростъ, толстая жилистая шея, сильно развитая мускулатура — заставляли предполагать въ немъ такую силу и энергію, какой туземцы-таджики обладаютъ весьма рѣдко. Его очень смуглое выразительное лицо, черные блестящіе глаза и орлиный носъ заставляли усомниться въ его принадлежности къ какой либо изъ тюркскихъ расъ, населяющихъ Туркестанъ. И дѣйствительно, онъ — пришелецъ на этой територіи; онъ—авганецъ. Потомъ, во время слѣдованія миссіи въ Кабулъ, мы узнали многія цѣнныя качества этого авганца. Назначеніе его караванъ-баши вьючнаго обоза миссіи было какъ нельзя болѣе умѣстно. Онъ нѣсколько разъ, въ различныхъ направленіяхъ, пересѣкъ Среднюю Азію. Былъ онъ нѣсколько разъ и въ Индіи, имѣлъ родство въ Кабулѣ, который онъ посѣтилъ даже въ прошломъ 1877 г., въ качествѣ посланца къ эмиру Щиръ-Али, котороному возилъ письмо отъ туркестанскаго Генералъ-Губернатора.

Теперь онъ состоялъ «джигитомъ» въ распоряженіи начальника Самаркандскаго Отдѣла. Онъ свободно объяснялся на трехъ языкахъ: авганскомъ, турецкомъ и персидскомъ. Жаль было, что онъ не умѣлъ писать и говорить по русски.

Въ кабинетѣ генерала Иванова собрались всѣ члены миссіи, перебрасываясь замѣчаніями о предстоящей поѣздкѣ. Наконецъ генералъ Ивановъ сказалъ нѣсколько добрыхъ, задушевныхъ пожеланій—и миссія вышла къ своимъ конямъ.—Черезъ нѣсколько минутъ, по улицѣ растянулась длинная линія всадниковъ, съ длиннымъ хвостомъ вьючныхъ животныхъ. Дворъ совсѣмъ опустѣлъ. Нѣсколько лицъ изъ мѣстной администраціи провожали миссію на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Полуденное солнце сильно припекало. Пыльная атмосфера извилистыхъ, узкихъ улицъ туземнаго города, обдавала путниковъ горячимъ паромъ. Полное безвѣтріе. Стройныя вершины пирамидаль-

---

[1]) Джигитъ—конный туземецъ, употребляемый русской администраціей для разныхъ порученій; лаучи—туземецъ, вожатый вьючнаго животнаго: верблюда, лошади и т. п. Караванъ-баши—туземецъ, завѣдующій движеніемъ вьючнаго обоза; онъ такимъ образомъ представляетъ собою ближайшаго начальника туземной прислуги каравана

ныхъ тополей стоятъ неподвижно и только трепещущіе листья тихонько шепчутся между собою, поблескивая на солнцѣ гладкими, какъ бы лакированными поверхностями. Черезъ глинобитные заборы узкой улицы безпомощно повисли вѣтви абрикосовыхъ деревьевъ, облитыхъ золотымъ дождемъ вкусныхъ плодовъ. Иногда между вѣтвями появится молодое, улыбающееся лицо сартянки съ ясными, живыми глазами, боязливо хоронящееся за листву. У калитокъ часто встрѣчаются группы сартовъ; они встаютъ при проѣздѣ миссіи и, прижимая руки къ животу и закатывая подъ лобъ глаза, шепчутъ: аманъ, аманъ! [1]) туря (господа).

Долго пришлось ѣхать, поворачивая изъ стороны въ сторону, по извилистымъ, пыльнымъ улицамъ. Но мало по малу онѣ стали пустыннѣе, деревья рѣже—и мы наконецъ выбрались изъ города. Кончился городъ, кончились и сады, кольцомъ обхватывающіе его,—пустынная степь глянула намъ въ глаза, выставляя на видъ свою одежду-рубище, состоящую только изъ опаленной солнцемъ колючки. Зато пыли не стало; но степной вѣтеръ, пламенемъ пахнулъ на насъ и весь день продолжалъ душить насъ своимъ знойнымъ дыханіемъ.

Мы ѣхали по направленію къ Джаму. Маршрутъ нашего пути былъ слѣдующій. До бухарской границы надо было ѣхать на Джамъ. Потомъ, надо было, направиться на Карши. Затѣмъ, черезъ Гюзаръ и Ширабадъ, миссія должна была достигнуть до одной изъ переправъ на Аму-Дарьѣ. Этотъ путь былъ значительно длиннѣе, чѣмъ предположенный сначала, черезъ Шахрисябзъ. Надо было однако сдѣлать такой кругъ по той причинѣ, что въ гор. Карши, въ это время, находился бухарскій эмиръ, котораго, вѣроятно, нужно было видѣть начальнику миссіи.

И такъ мы отправились на Джамъ. Сначала ѣхали тихо. То и дѣло приходилось останавливаться. Къ этимъ остановкамъ насъ вынуждалъ вьючный обозъ. Оказалось, что лошади, купленныя подъ вьюки, до сего времени почти совсѣмъ не ходили подъ ними. Лаучи, нанятые для вьючнаго обоза, были плохо знакомы съ вьючкой. Вслѣдствіе этого лошади были плохо завьючены; вьюки часто раз-

[1]) Туземное привѣтствіе—будь здоровъ.

вязывались и падали. Надо было все передѣлывать сначала. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ остановокъ, генералъ махнулъ рукой на обозъ и, оставивъ при немъ часть казаковъ, съ остальными казаками и со всѣми членами миссіи проѣхалъ впередъ.

Дорога шла по широкой степи, упиравшейся къ югу въ круто подымающійся, рѣзко зубчатый, Самаркандскій горный хребетъ. Горы эти суть продолженіе массивнаго Зеравшанскаго хребта горъ, начинающагося въ горномъ узлѣ Мача. Въ Самаркандскомъ хребтѣ нѣтъ ни одного пика покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ. Онъ представляетъ очень чистый типъ «хребта горъ». При длинѣ своей главной оси въ 200 или 300 верстъ, ширина его не превосходитъ нигдѣ 30-ти верстъ. Сѣверный склонъ его еще не такъ крутъ, какъ южный; этотъ послѣдній быстро поднимается, крутыми уступами, до наивысшей осевой линіи.

Высота вершинъ этого хребта нигдѣ не превышаетъ 7—8 тыс. фут. Вслѣдствіе отсутствія снѣжныхъ вершинъ, онъ очень бѣденъ водой. Только нѣсколько ручьевъ вытекаютъ изъ сѣверныхъ его отроговъ. Южный же склонъ горъ даетъ нѣсколько ничтожныхъ притоковъ рѣкѣ Кашка-Дарьѣ. Горы весьма пустынны, какъ и прилегающая къ нимъ степь. Лѣсовъ почти совсѣмъ нѣтъ, если не считать за лѣсъ, разсѣянные тамъ и сямъ, рѣдкіе стволы неприхотливой, горной арчи. Къ сѣверу и западу отъ этого хребта горъ простирается необъятная равнина—степь, по лицу которой рѣдко-рѣдко разсѣяны юрты кочевниковъ-киргизовъ.

Дорога, по которой мы теперь шли, тянулась почти параллельно горному хребту; тѣмъ не менѣе она постепенно приближалась къ нему. Валуны стали попадаться намъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Ихъ особенно было много въ ложахъ небольшихъ полувысохшихъ ручьевъ.

Сумерки уже густымъ туманомъ окутали горы и наполнили степь мглой,—когда мы совсѣмъ приблизились къ передовымъ устоямъ каменныхъ гигантовъ. Въ ущельѣ, прислонясь съ одной стороны почти къ отвѣсной стѣнѣ горы и опоясанный съ другой пѣнящимся горнымъ ручьемъ, пріютился сартовскій кишлакъ.

Эта деревушка была выбрана мѣстомъ для ночлега. И была пора. Когда мы въѣхали на покрытый ковромъ зелени дворъ мѣстнаго

акъ-сакала [1]), — ночь уже совсѣмъ окутала своимъ темнымъ покровомъ землю. Мы опасались, чтобы отставшіе вьюки въ темнотѣ не сбились съ дороги и чтобы лошади не переломали себѣ ногъ во время перехода по каменистому руслу ручья. Поэтому на дорогу были высланы нѣсколько казаковъ для встрѣчи вьючнаго обоза.

Тридцативерстный переходъ далъ себя почувствовать; колѣни у меня ныли, да и спина побаливала. Конечно, переходъ въ 30-ть верстъ не великъ, но я, прежде этой поѣздки, знакомъ былъ съ верховою ѣздою только по городскимъ экскурсіямъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что теперешній переходъ меня очень утомилъ. Сильно хотѣлось пить и ѣсть; но нашъ вьючный обозъ отсталъ, и объ этомъ пришлось только пожалѣть. Впрочемъ, акъ-сакалъ, какъ угорѣлый, заметался изъ стороны въ сторону, желая угостить посѣтившихъ его «тюрей»—и скоро досталъ гдѣ-то чаю и молока. Все это быстро было нами поглощено. Между тѣмъ подошли и вьюки. Сейчасъ же былъ разведенъ огонь, а черезъ нѣсколько минутъ, яркое пламя уже лизало закоптѣлые бока котла и кострюль, въ которыхъ приготовлялся, на скорую руку, дорожный ужинъ. Но не многіе изъ путниковъ дождались ужина. Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, протянувъ утомленные члены на войлокѣ, постланномъ прямо на землѣ, не замедлили заснуть крѣпкимъ сномъ усталости. Когда поспѣлъ ужинъ, то пробовали было будить заснувшихъ, да такъ и не добудились. А завтра, еще за-долго до солнечнаго восхода, надо было уже опять отправиться въ путь. До Джама,—предположенной нашей стоянки,—было отсюда немного болѣе 30 верстъ, стало быть, по крайней мѣрѣ 5-ть часовъ ѣзды; хотѣлось избѣжать дневнаго, палящаго зноя и прибыть ранѣе полудня на мѣсто стоянки; поэтому и нужно было выѣхать съ ночлега возможно раньше.

Около 5-ти часовъ утра слѣдующаго дня, всѣ мы были уже на лошадяхъ. И вотъ—снова потянулась однообразная скатерть степи, поросшая дикой колючкой и усѣянная валунами. Тѣже пустынныя, обитыя вѣтромъ и обожженныя солнцемъ, горы тянутся по лѣвую сторону дороги; тѣже черныя, покрытыя пылью и копотью, жалкія

---

[1]) Акъ-сакалъ въ буквальномъ русскомъ переводѣ значитъ «бѣлая борода»; этимъ именемъ называются туземные сельскіе старосты.

юрты кочевниковъ встрѣчаются изрѣдка вправо отъ дороги. Двѣ, три степныя куропатки съ шумомъ выпорхнули почти изъ-подъ самыхъ копытъ лошадей.

Но вотъ мы и въ Джамѣ [1]). На картахъ, имѣвшихся у насъ, Джамъ былъ обозначенъ укрѣпленіемъ. Поэтому, подъѣзжая къ нему, я ожидалъ увидѣть грозные валы съ амбразурами и съ выглядывающими оттуда темными массами орудій. Ничего подобнаго не оказалось. Джамъ—просто небольшой кишлакъ, заселенный узбеками. Онъ расположенъ почти въ центрѣ небольшой котловины, окруженной невысокими холмами. Мелкая, мутная рѣчка пересѣкаетъ эту котловину съ востока на западъ. Не вдалекѣ, къ юго-востоку отъ селенія, бѣлѣлись солдатскія палатки. Уже нѣсколько дней здѣсь стоялъ 9-й линейный баталіонъ, изображая изъ себя авангардъ главнаго отряда туркестанскихъ войскъ. Еще лѣвѣе, ближе къ горамъ, на вершинѣ невысокаго холма, виднѣлись развалины бывшей здѣсь бухарской крѣпостцы. Эта крѣпостца и была нѣкогда укрѣпленіемъ Джамъ. Эта мѣстность была назначена сборнымъ пунктомъ для всего главнаго отряда, намѣревавшагося выступить къ границамъ Индіи. Мы подъѣхали къ единственной, имѣющейся здѣсь, жиденькой группѣ деревьевъ, оттѣнявшихъ небольшой тинный прудъ. Здѣсь были для насъ уже разбиты палатки и юрты, приготовленныя гостепріимнымъ командиромъ 9-го батальона, Н. Плотниковымъ. Съ наслажденіемъ мы протянули свои утомленные члены въ тѣни палатокъ, а еще съ большимъ наслажденіемъ воспользовались радушнымъ угощеніемъ нашего хозяина. Чарка «русскаго добра» и нѣсколько дымящихся котлетъ были для насъ какъ нельзя болѣе кстати. Послѣ сытнаго обѣда и умѣреннаго жертвоприношенія извѣстному греческому богу, усталость какъ рукой сняло.

Здѣсь я началъ рядъ температурныхъ измѣреній и продолжалъ ихъ во все послѣдующее время пути настолько тщательно, какъ это было возможно. Температура измѣрялась обыкновенно три раза въ день: утромъ, передъ отъѣздомъ со станціи отъ 5 до 7 часовъ, въ полдень отъ 12—2 час. и вечеромъ въ 7—8 часовъ. Барометрическія наблюденія были отложены до прибытія въ Авганистанъ. Путь

---

[1]) Абсолютная высота Джама—2050 фут., по Ларіонову.

по Бухарскимъ владѣніямъ, который предстояло сдѣлать миссіи, былъ уже опредѣленъ барометрически на всемъ его протяженіи прежними путешественниками (Шварцемъ, Ларіоновымъ и др.). Поэтому барометръ остался упакованнымъ.

Начальникомъ миссіи рѣшено было, что на слѣдующій день, рано утромъ, мы двинемся на Карши, отъ котораго насъ раздѣляло разстояніе въ 90 верстъ совершенно пустыннаго пути. Я говорю: совершенно пустыннаго потому, что здѣсь ощущается недостатокъ даже и въ водѣ. При томъ же попадающаяся по дорогѣ вода имѣетъ всѣ характерныя свойства водъ солончаковыхъ степей; она солона и горька. Здѣсь степь-пустыня совсѣмъ необитаема и составляетъ одно изъ многочисленныхъ вторженій сосѣдней, необъятной Туранской пустыни. Это, такъ сказать, отмель необозримаго песчанаго океана, простирающагося отсюда до Каспія и Урала.

Намъ, однако, не пришлось испытать удовольствія поѣздки по такой заманчивой мѣстности. Вечеромъ этого же дня, прибыли посланцы бека (губернатора) города Чиракчи. Этотъ бекъ — младшій сынъ эмира Бухарскаго [1]). Посланцы передали начальнику посольства сильное желаніе бека видѣть насъ гостями въ его городѣ. Но для того, чтобъ исполнить просьбу юнаго бека, необходимо было сдѣлать крюкъ, верстъ въ 30—40, такъ какъ пришлось бы сильно уклониться къ югу отъ первоначальнаго направленія пути на Карши. Это обстоятельство, до нѣкоторой степени, и составляло препятствіе къ исполненію желанія бека. Тогда, посланцы постарались выставить на видъ всю трудность пути чрезъ пустынную мѣстность между Джамомъ и Каршами. По ихъ словамъ, на этой дорогѣ, въ настоящее время, нельзя было совсѣмъ достать корма для лошадей, да и воды было очень мало. Кромѣ того, они говорили о томъ, какъ бекъ былъ бы польщенъ и обрадованъ посѣщеніемъ русскихъ гостей, и что по дорогѣ въ Чиракчи для миссіи заготовлено все необходимое. Передъ такой вѣской аргументаціей трудно было устоять; приглашеніе бека было принято.

На слѣдующій день предстояло сдѣлать переходъ отъ Джама до Чиракчи, верстъ въ 60. Поэтому мы выѣхали еще до солнечнаго вос-

---

[1]) По имени Саматъ-ханъ.

хода. Вьюки были отправлены впередъ, еще ранѣе, чтобы они не замедляли общаго движенія.

Верстахъ въ двухъ отъ Джама, по направленію къ юго-западу, находится государственная межа между Русскими и Бухарскими владѣніями. Ее обозначаетъ невысокій каменный столбъ, поставленный у края дороги, на вершинѣ невысокаго холма. На сторонѣ обращенной къ русскимъ владѣніямъ изображенъ государственный гербъ, а на бухарской сторонѣ — персидская надпись.—Странное чувство охватило меня, когда я въ первый разъ переступилъ границу своего государства. Мнѣ сдѣлалось какъ то жутко, точно я что-либо потерялъ. И дѣйствительно,—переступая границу здѣсь, въ Средней Азіи, путешественникъ теряетъ очень многое: покровительство закона, увѣренность въ личной безопасности. И вотъ потекли въ головѣ моей невеселыя мысли; граница перейдена, когда-то снова придется увидѣть отчизну, да и придется-ли? Большая часть европейскихъ путешественниковъ по Средней Азіи легла костьми въ этой не гостепріимной странѣ... Положимъ, мы представляли изъ себя не простыхъ путешественниковъ, а представителей государства; личности наши должны были считаться неприкосновенными. Но вѣдь, въ 1865—66 гг. наше посольство выстрадало же нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, въ Бухарѣ. А вѣдь это было всего 10 лѣтъ тому назадъ. А въ 1863 году трое итальянцевъ, посланныхъ въ Бухару для закупки сѣмянъ шелковичныхъ червей, едва не потеряли свои головы на плахѣ, и если спаслись, то единственно благодаря настояніямъ русскаго правительства. Положимъ, теперь въ Бухарскихъ владѣніяхъ русскіе, кромѣ гостепріимства и полнѣйшей предупредительности, не рискуютъ встрѣтить ничего другаго; но вѣдь мы ѣхали въ Авганистанъ, который былъ для насъ — terra incognita, въ полномъ смыслѣ этого слова.—Вѣроятно всѣ мои спутники были заняты подобными же мыслями, такъ какъ они были сосредоточенно молчаливы. Даже г. М., врагъ всякаго молчанія и сосредоточенности, безумолку болтавшій во весь предъидущій путь, изобрѣвшій спеціальный языкъ знаковъ, съ помощію которыхъ онъ, (какъ самъ увѣрялъ), не зная ни одного слова, весьма удачно объяснялся съ туземцами,—даже и онъ на этотъ разъ молчалъ. Впрочемъ, онъ

молчалъ, можетъ быть, потому, что досыпалъ свою порцію сна на хребтѣ своего буланаго коня.

Нѣсколько времени мы ѣхали по довольно торной Каршинской дорогѣ. Мѣстность принимала все болѣе и болѣе волнистый характеръ. Все время тянувшійся слѣва отъ насъ Самаркандскій хребетъ горъ, круто поворотилъ здѣсь къ югу и также круто оборвался, пославъ къ западу лишь слабые холмистые отпрыски, которые еще далѣе на западъ, черезъ извѣстное разстояніе, снова довольно рѣшительно поднимаютъ свои зубчатые гребни. Такимъ образомъ въ промежуточной мѣстности, по которой мы ѣхали, образуются какъ-бы естественныя ворота изъ Зеравшанской долины въ Каршинскій оазисъ — и вотъ причина существованія здѣсь бывшей бухарской крѣпостцы, исполнявшей, кромѣ того, еще и роль ссыльно-каторжной тюрьмы, для провинившихся туземцевъ. Можетъ быть отсюда произошло и самое названіе укрѣпленія; Джамъ, если я не ошибаюсь, на туземномъ языкѣ значитъ—адъ.

Мѣстность принимала все болѣе и болѣе волнистый видъ. Вскорѣ мы своротили съ Каршинской дороги на г. Чиракчи, въ юго-восточномъ направленіи. Пришлось подняться на два-три довольно крутыхъ подъема, по глинисто-сланцеватой почвѣ. Здѣсь дороги уже не было; мы шли горной тропой, огибавшей оплечья холмовъ, мѣстами засѣянныхъ хлѣбами. Колесный обозъ здѣсь, однако, не можетъ встрѣтить болѣе или менѣе значительныхъ затрудненій при движеніи.

Вотъ конный бухарецъ подъѣхалъ къ начальнику миссіи, о чемъ-то поговорилъ съ нимъ, и стрѣлой полетѣлъ назадъ, забирая влѣво, по обрывистому берегу глубокой балки. За нимъ повернула и вся наша кавалькада. Топографъ, недоумѣвая—зачѣмъ это повернули назадъ, т. е. на сѣверо-востокъ, все же поставилъ въ своей аспидной книжкѣ сугубый крючекъ, означавшій перемѣну направленія, а возлѣ крючка цифру угла отклоненія. Но дѣло вскорѣ объяснилось. Посланцы бека разсчитали, что на этомъ мѣстѣ не дурно было бы подкрѣпиться завтракомъ къ длинному дневному переходу. Поэтому, верстахъ въ двухъ отъ поворота, они заранѣе поставили палатки и приготовили завтракъ. Минутъ черезъ 15-ть, мы доѣхали до очень крутаго спуска въ оврагъ. На противоположномъ, довольно отлогомъ берегу его виднѣлись разноцвѣтныя бухарскія палатки, разбитыя

въ тѣни абрикосовой рощицы. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки вьюковъ и группы казаковъ, похаживавшихъ около своихъ «саврасокъ». Бухарская челядь возилась съ самоварами и угощеніемъ. Зелень и тѣнь абрикосовой рощицы обѣщали намъ пріятный отдыхъ, а дымящіяся блюда—сытный завтракъ. Съ этого времени посольство поступило на содержаніе бухарскаго эмира. Бухарцы сочли бы для себя величайшей обидой, если бы мы отказались отъ ихъ угощенія и кормовъ и вздумали бы кормиться за свой собственный счетъ. Угощеніе было весьма обильное, хотя и нельзя сказать, чтобъ въ равной мѣрѣ хорошо приготовленное. Жирныя блюда, въ родѣ неизмѣннаго среднеазіатскаго «пилава», не особенно удобоваримы для европейскаго желудка. Но, впрочемъ, мы скоро привыкли къ бухарской кухнѣ.

Солнце уже стояло довольно высоко и обильно обливало мягкія очертанія холмовъ своими теплыми, золотистыми лучами, когда нашъ караванъ снова двинулся въ путь. Мѣстность скоро снова измѣнилась. Холмы и поднятія мало по малу стушевались. Окружающая степь плоска, однообразна, можно было бы сказать,—безжизненна, еслибы по сторонамъ дороги не виднѣлись изрѣдка юрты—эти первобытныя жилища не менѣе первобытныхъ обитателей, здѣшнихъ кочевниковъ - киргизовъ, — да мѣстами не тянулись тощія хлѣбныя поля, точно маленькія новыя заплатки на ветхой одеждѣ степи. Нѣсколько часовъ монотонной верховой ѣзды подъ палящими лучами солнца, при мертвомъ безвѣтріи, производятъ на путника какой-то столбнякъ, приводятъ его, если можно такъ выразиться, въ какое то безсознательное созерцаніе утомительнаго процесса передвиженія. Теперь, впрочемъ, до нѣкоторой степени еще выручала новизна дорожныхъ, хотя и не очень замысловатыхъ, впечатлѣній. Бухарская челядь, сопровождавшая насъ, тѣмъ временемъ съ удивительнымъ усердіемъ и предупредительностію исполняла свою трудную роль гостепріимныхъ хозяевъ. Кругомъ на много верстъ не было ни капли воды, а между тѣмъ стоило только кому либо изъ путниковъ сдѣлать намекъ на то, что захотѣлось пить — и сейчасъ живительная влага доставлялась въ изобиліи. Кромѣ воды бухарцы везли съ собой запасъ кислаго молока въ видѣ айрана и катыка; однимъ словомъ, предупредительность ихъ высказалась

здѣсь самымъ блистательнымъ образомъ. Около часу пополудни гостепріимная сѣнь палатокъ снова, на нѣкоторое время, пріютила насъ и дала отдыхъ отъ знойныхъ 40° лучей солнца. Оказалось, что это были тѣ же самыя палатки и юрты, которыя служили намъ на утреннемъ привалѣ. Дѣло было въ томъ, что лишь только онѣ опорожнились отъ своихъ утреннихъ гостей, какъ тотчасъ же были перенесены конными бухарцами на теперешнее мѣсто.

4 часа по полудни. Скоро конецъ утомительному дневному переходу. На южномъ горизонтѣ показалась, наконецъ, темная масса зелени, которая, по мѣрѣ приближенія, все болѣе и болѣе разросталась, охватывая степь широко распростертыми объятіями. Рѣзко выдѣляются изъ этой массы двѣ, три стройныя вершины пирамидальныхъ тополей. Вотъ блеснула и рѣка, темно-синей лентой извивающаяся среди садовъ и постепенно блѣднѣющая, какъ бы замирая, по мѣрѣ удаленія ея въ степь. Передъ нами городъ Чиракчи [1]). Справа и слѣва по дорогѣ потянулись глиняные, раскаленные солнцемъ заборы. Кучка верховыхъ бухарцевъ столпилась на ближайшемъ пустырѣ, въ ожиданіи проѣзда посольства. Это была почетная встрѣча, высланная бекомъ изъ города. Послѣдовалъ обмѣнъ обычныхъ привѣтствій и пожеланій. Затѣмъ надо было перейти черезъ рѣку Кашка-Дарья въ бродъ, потому что моста черезъ рѣку нѣтъ, да и парома также нѣтъ. Глубина ея достигаетъ 5 футъ; ширина 20—30 саженъ. Переправились благополучно. Но вьюки необходимо было переложить съ лошадей на такія же повозки-арбы, какія употребляются при переправѣ черезъ Зеравшанъ, у Самарканда; иначе они могли замочиться въ рѣкѣ. Теперь, т. е. въ началѣ Іюня, рѣка была относительно маловодна, такъ какъ таяніе снѣговъ въ горахъ еще не было особенно сильно. Наивысшій уровень рѣки, соотвѣтствуетъ іюлю и августу мѣсяцамъ, когда высоты Хазретъ-Султана, гдѣ находятся источники этой рѣки, лишаются наибольшей массы своихъ снѣговъ.

На противоположномъ, обрывистомъ берегу рѣки прежде всего намъ бросилось въ глаза зданіе, похожее на квадратную цитадель, обнесенную высокими, зубчатыми, глинобитными стѣнами. Это былъ

---

[1]) Высота города Чиракчи надъ уровнемъ моря—1,340 фут.—по Шварцу.

«дворецъ» бека, отведенный, въ данное время, подъ помѣщеніе миссіи. Четвероугольный глиняный квадратъ — когда мы вошли въ него—оказался обширнымъ дворомъ, разбитымъ на нѣсколько меньшихъ, расположенныхъ концентрически. Въ самомъ внутреннемъ дворикѣ находилось нѣсколько жилыхъ комнатъ, которыя и были заняты нами. Первое впечатлѣніе, которое произвела на насъ внѣшность дворца бека, было незавидно. Внутреннее убранство помѣщеній было еще незавиднѣе. Голыя, даже неотштукатуренныя, стѣны маленькихъ, какъ бы втиснутыхъ въ дворовую стѣну, комнатъ, рѣзали глаза своимъ убожествомъ. Нѣсколько деревянныхъ кольевъ вбиты въ стѣны и служили вмѣсто вѣшалокъ для вѣшанія платья и другихъ домашнихъ вещей. По сторонамъ, у стѣнъ, разставлено было въ рядъ нѣсколько туземныхъ, широкихъ кроватей, покрытыхъ ватными одѣялами и тюфяками. Посрединѣ одной изъ комнатъ стоялъ на скоро сбитый столъ, а вокругъ него—нѣсколько грубо сколоченныхъ и обитыхъ кумачемъ стульевъ. Вотъ и вся обстановка резиденціи бека. Къ этому остается еще прибавить, что ни на одномъ изъ многочисленныхъ дворовъ этого обширнаго строенія незамѣчалось ни одного стекла; всѣ окна деревянныя, створчатыя, безъ малѣйшаго куска стекла и служатъ также, когда они отворены, вмѣсто дверей. Въ одномъ углу двора былъ раскинутъ навѣсъ изъ персидскихъ шалей, а глинобитный полъ былъ устланъ дешевыми туземными коврами (которые называются у туземцевъ «паласами»).

Едва мы въѣхали на дворъ, какъ были встрѣчены придворными бека, съ «мирахуромъ»[1]) во главѣ, который обыкновенно играетъ роль главнаго домостроителя какъ во дворѣ бековъ, такъ равно и у самаго эмира бухарскаго.

Нужно замѣтить, что въ Бухарѣ каждый бекъ—а ихъ число почти равно числу городовъ въ бухарскомъ государствѣ—изображаетъ изъ себя какъ бы удѣльнаго князя. Своимъ округомъ они правятъ почти независимо отъ эмира; ихъ воля въ своемъ округѣ—законъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свой дворъ, хотя довольно микроскопическихъ размѣровъ, но съ такой же градаціей чиновъ и должностей,

---

[1]) Мирахуръ—значитъ собственно конюшій бояринъ, переводя это названіе на языкъ нашей до-петровской терминологіи придворныхъ должностей.

какъ и при «высокомъ дворѣ» эмира. Назначеніе бековъ состоитъ вообще въ томъ, чтобы они управляли ввѣренными имъ округами; но все ихъ управленіе состоитъ, главнымъ образомъ, въ собираніи податей для казны эмира и для своего существованія. Обыкновенно подати собираются съ населенія натурой. Бекъ представляетъ ихъ эмиру тоже натурой: столько-то халатовъ, столько-то коней, столько-то батмановъ (кулей, вѣсомъ отъ 8 до 16 пудовъ) зерноваго хлѣба и проч. Металлическій сборъ податей отбываютъ обыкновенно только торговые люди. Власть бека ненаслѣдственна. Во всякое время эмиръ можетъ взять бекство у одного и отдать другому—что дѣйствительно не рѣдко практикуется подозрительными правителями Бухары. По смерти бека все имущество его поступаетъ въ казну эмира, такъ что наслѣдники бека, послѣ смерти отца, почти ничего не получаютъ. Но такъ какъ сыновья бековъ должны быть непремѣнно на службѣ эмира, причемъ они быстро выслуживаются и сами часто дѣлаются беками, то потеря наслѣдства послѣ отца для нихъ не особенно чувствительна. Каждый изъ нихъ, находясь на службѣ эмира и получая его «великое жалованье», или будучи бекомъ какого либо округа, всегда имѣетъ достаточно средствъ для того, чтобы жить, по бухарскимъ понятіямъ, весьма прилично. Обыкновенно въ Бухарѣ служба государству продолжается до самой смерти: никакихъ отставокъ за выслугою лѣтъ не полагается. Разъ назначенъ беку какой либо городъ—онъ уже и сидитъ въ немъ, никуда не выѣзжая, затворившись со своимъ гаремомъ въ четырехъ стѣнахъ своего глиняного дворца, часто похожаго на редутъ. Это сидѣнье вошло ужъ въ обычай, освященный временемъ и предшественниками. Только разъ или два въ годъ бекъ покидаетъ свое насиженное, теплое гнѣздо, чтобы, по требованію эмира, явиться на поклонъ къ своему великому повелителю. Вмѣстѣ съ этимъ бекъ представляетъ въ казну эмира подати, какія слѣдуютъ съ его округа. Онъ проживаетъ въ Бухарѣ, или какомъ-либо другомъ городѣ,—смотря потому, гдѣ въ данное время находится эмиръ,—всего нѣсколько дней или вообще столько времени, сколько прикажетъ эмиръ. Въ большинствѣ случаевъ бекъ, при отъѣздѣ въ свой округъ, получаетъ отъ эмира разные подарки, главнымъ же образомъ халаты, въ знакъ того, что эмиръ доволенъ его службой. Но бываетъ и такъ, что прибывшій

бекъ безъ суда и слѣдствія исчезаетъ въ подземныхъ казематахъ арка (т. е. дворца) эмира, или съ нимъ кончаютъ скоро, перерѣзавъ, какъ барану, горло. Отецъ настоящаго эмира, Насруллахъ-ханъ, очень нерѣдко практиковалъ этотъ способъ, чтобъ подавить въ подозрѣваемыхъ бекствахъ вымышленную его болѣзненнымъ воображеніемъ крамолу. Но не смотря на такой способъ укрощенія, при немъ было нѣсколько бековъ, пользовавшихся такою широкою самостоятельностью, что только номинально они признавали эмира своимъ государемъ. Они вели войны съ своими сосѣдями, заключали миръ, чеканили свою монету и только тѣмъ и выражали свое подданство Бухарѣ, что отъ времени до времени посылали эмиру незначительные подарки. Такой самостоятельностію пользовались беки: Шахрисябскій (до 1870 г.), Гиссарскій (до 1875 г.), Каратегинскій и Кулябскій (до 1877 г.).

При этомъ, хотя и очень краткомъ описаніи бухарскихъ владѣтельныхъ лицъ, нельзя не замѣтить чертъ, общихъ съ нашими до-петровскими боярами. Бекъ такой же безотвѣтный холопъ передъ эмиромъ и такой же всесильный полубогъ на своемъ «володѣніи», какъ бывшій русскій бояринъ. Таже замкнутость замѣчается и здѣсь; таже жизнь въ кругу своей дворовой челяди; таже барская спѣсь и лѣнь выражаются въ каждой чертѣ бека; таже важность и степенность во внѣшнемъ видѣ и тоже слѣпое превозношеніе всего своего передъ иностраннымъ. Послѣ этого совершенно понятенъ тотъ вопросъ, которымъ встрѣтили бухарцы дервиша (quasi) Вамбери (1863 г.): «скажи, хаджи, есть-ли въ мірѣ другой такой городъ, какъ Бухара?—Ты ихъ много видѣлъ, странствуя отъ одного къ другому»?—Еще и теперь жителю Бухары опасно выразить громко сравненіе Бухары съ европейскими городами, а особенно сравненіе не въ пользу столицы эмира; его сейчасъ же приметъ въ свои объятія грязная и мрачная тюрьма, или дѣло кончится перерѣзаннымъ горломъ. Большое сходство замѣчается между беками и русскими боярами даже въ одеждѣ. Отбросьте только чалму [1])—и весь остальной костюмъ бухарскаго сановника можно смѣло надѣть на какого либо русскаго

---

[1]) Впрочемъ далеко невсегда носимую господствующею народностью въ Бухарскомъ ханствѣ—узбеками.

князя 16-го столѣтія: тѣже желтые, съ загнутыми вверхъ носками, сафьяные сапоги, тѣже широкіе опашни и шубы—въ видѣ простыхъ и мѣховыхъ халатовъ, подхваченныхъ широкими поясами съ серебрянными и золотыми бляхами, усѣянными бирюзой. Для одежды употребляются тѣже матеріалы: парча, шали, шелковыя ткани и проч. Здѣсь воочію убѣждаешься, что Русь до-петровская много-таки позаимствовала изъ татарскаго быта. Я ужъ и не буду говорить едва ли не о самомъ важномъ заимствованіи изъ строя татарской жизни, — о вкоренившемся было у нашихъ до петровскихъ бояръ затворничествѣ женщинъ [1]).

Я уже сказалъ, что насъ встрѣтилъ, въ отведенномъ для насъ помѣщеніи, мирахуръ бека. Это былъ благообразный старикъ, убѣленный почтенными сѣдинами; его продолговатое лицо съ нѣсколько выдающимися скулами, крупными губами, большимъ прямымъ носомъ и отвислыми ушами, ясно свидѣтельствовало, что передъ нами находится узбекъ, членъ господствующей въ Бухарѣ народности. Голова его была покрыта безконечной чалмой, бѣлизною своею соперничавшей съ горнымъ снѣгомъ. Парчевый халатъ былъ подхваченъ широкимъ шалевымъ кушакомъ, завязаннымъ огромнымъ узломъ на почтенномъ, по объему, животѣ маститаго старика. За кушакомъ было заткнуто нѣсколько неизмѣнныхъ ножей, оправленныхъ въ бирюзу и золото. Онъ былъ хромъ на одну ногу; тѣмъ не менѣе быстро заковылялъ на встрѣчу миссіи, торопливо перебѣгая отъ одного члена къ другому и на лету пожимая всѣмъ руки.

Затѣмъ онъ захлопоталъ объ угощеніи. Неизбѣжный въ средне-азіатскомъ угощеніи «чай-тальхъ», уже былъ готовъ. Здѣшній чай есть ничто иное, какъ зеленый чай, вывозимый изъ Индіи. «Тальхъ» его называютъ тогда, когда пьютъ безъ сахара; съ сахаромъ же онъ называется «чай-ширинъ». Среднеазіатцы также очень любятъ, такъ называемый, «ширъ-чай». Онъ приготовляется изъ кирпичнаго чая, свареннаго съ молокомъ, жиромъ, солью, и другими приправами. Часто въ него кладутся пряности: корица, гвоздика, имбирь и др. Если о вкусѣ этого напитка иногда нельзя сказать ни-

---

[1]) Именно только у бояръ, да развѣ еще богатыхъ горожанъ; простой народъ не зналъ затворничества женщинъ.

чего хорошаго, то нельзя сказать того же о его несомнѣнномъ питательномъ достоинствѣ.—Кромѣ чая, тутъ было многое множество и другихъ напитковъ, закусокъ и разныхъ сластей: айранъ, катыкъ (сорта особеннымъ образомъ приготовленнаго кислаго молока), вода со льдомъ, варенье разныхъ сортовъ, яичные бѣлки, взбитые съ сахаромъ и сливками; миндаль простой и засахаренный; фисташки, приготовленныя подобнымъ же образомъ; урюкъ, сушенный и свѣжій; разныхъ сортовъ сушеный виноградъ (кишмишъ); очищенныя ядра абрикосовъ; абрикосы въ свѣжемъ видѣ, вишни, русскія конфекты; разные пряники изъ различныхъ фруктовыхъ и орѣховыхъ тѣстъ и проч. Русскій леденецъ-рафинадъ и сахаръ въ головкахъ играли здѣсь тоже не послѣднюю роль. Ко всему этому нужно прибавить еще разныя мясныя блюда—и вы будете имѣть понятіе о такъ называемомъ «достарханѣ» бухарцевъ. Достарханомъ называется собственно скатерть на которой разставлены разныя статьи угощенія; отсюда и самое угощеніе называется тѣмъ же именемъ. Часто достарханъ не убирается на столѣ, и тогда значительная часть пола покрывается нѣсколькими десятками блюдъ и подносовъ [1]).

Въ комнатахъ царила духота. Раскаленныя солнцемъ стѣны превращали помѣщеніе въ паровую баню. Потъ лилъ со всѣхъ градомъ и каждый изъ насъ невольно схватился за платокъ. Но лишь только это движеніе было замѣчено прислуживавшими намъ бухарцами, какъ нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ схватили вѣера и начали махать ими такъ усердно, что произвели замѣтное движеніе воздуха. Сначала нельзя было удержаться, при видѣ этихъ махальщиковъ, отъ взрыва смѣха; но потомъ мы уже спокойно наслаждались навѣваемой ими прохладой.

Лишь только мы хотѣли было расправить свои, утомленные длиннымъ переходомъ, члены и возлечь на приготовленныя постели,—какъ мирахуръ сообщилъ, что сейчасъ изволитъ посѣтить насъ нашъ гостепріимный хозяинъ, Чиракчинскій бекъ. Снова пришлось натянуть на плеча пыльные кителя, а на ноги—раскаленные на солнопекѣ сапоги. Черезъ нѣсколько минутъ на дворъ въѣхалъ

---

[1]) Понятно, что вина не были въ числѣ предметовъ достархана, да и быть не могли, такъ какъ наши гостепріимные хозяева — истые мусульмане.

бекъ, на горячемъ, кровномъ конѣ, покрытомъ парчевой попоной; уздечка была осыпана бирюзой. Онъ былъ скорѣе снятъ съ лошади дюжими руками его свиты, чѣмъ самъ сошелъ съ нея. Бекъ, одинъ изъ многихъ сыновей эмира Бухарскаго, еще очень молодъ; самое большее, ему можно дать — 18 лѣтъ. Его цвѣтущее здоровьемъ лицо очень красиво, но, къ сожалѣнію, носитъ печать недомыслія. Большіе черные глаза тупо и какъ-бы боязливо выглядываютъ изъ подъ тонкихъ, дугой очерченныхъ, темныхъ бровей. Правильныя черты лица еще имѣютъ характеръ дѣтской незаконченности. Бороды и усовъ—нѣтъ и признаковъ.

Поздоровавшись съ посольствомъ, онъ сѣлъ за столъ и видимо былъ «не въ своей тарелкѣ». Генералъ, свободно объясняющійся по персидски и по турецки, старался занять его, но отвѣты и вопросы молодаго бека были, по большей части, односложны и по интонаціи походили на приказанія. При каждомъ словѣ онъ смотрѣлъ на своего Махрамъ-баши [1]), какъ-бы спрашивая его: такъ надо говорить, или нѣтъ? Мнѣ тогда показалось, что Махрамъ-баши при этомъ слегка кивалъ головой, какъ-бы подтверждая безмолвные вопросы бека. Принцъ пожелалъ осмотрѣть винтовку Бердана, которыми былъ вооруженъ казачій конвой посольства. Затѣмъ казаки продѣлали ружейные пріемы и показали рубку на шашкахъ.

Стало уже сильно темнѣть и бекъ, получивъ въ подарокъ отъ генерала почетный халатъ и серебрянные часы, уѣхалъ къ себѣ, видимо довольный всѣмъ видѣннымъ. При въѣздѣ и отъѣздѣ бека, нѣкоторые изъ его свиты — глашатаи — поднимали какіе-то дикіе крики, похожіе на вопли или завыванія. На вопросъ: что означаютъ эти крики?—я получилъ отвѣтъ, что этими криками возвѣщается проѣздъ члена царской семьи.

Нѣсколько минутъ спустя бекъ отдарилъ посольство, приславъ семь лошадей подъ парчевыми и бархатными попонами. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были уздечки, украшенныя бирюзой. Кромѣ того были присланы еще 7 пачекъ халатовъ, между которыми замѣчались парчевые, шалевые, шолковые и адрясовые. Мы замѣтили также, что

---

[1]) Махрамъ-баши—лицо, играющее роль дядьки и старшаго товарища въ забавахъ и играхъ бухарскихъ (да и вообще среднеазіатскихъ) принцевъ.

число 7-мь, было соблюдено даже въ такихъ мелочахъ, какъ: 7 головокъ сахару, 7 коробокъ леденца и проч. Очевидно, что все это было разсчитано по числу семи членовъ посольства. Хотя подобные подарки почти совсѣмъ не имѣютъ смысла для насъ русскихъ — ибо къ чему эти халаты, когда мы ихъ не носимъ?—тѣмъ не менѣе отказаться отъ принятія ихъ никакъ нельзя было. — Большей обиды нельзя сдѣлать среднеазіатцу, какъ—отказавшись отъ его подарковъ. Лошади, если бы онѣ были порядочныя, конечно очень пригодились бы въ дорогѣ; но хорошихъ лошадей бухарцы, какъ и вообще среднеазіатскіе кочевники, не дарятъ. Только самъ эмиръ бухарскій иногда даритъ великолѣпныхъ коней. Обдариванье своихъ гостей халатами бухарцы объясняютъ предписаніемъ корана, который повелѣваетъ сдѣлать для гостя-путника все возможное: напоить, накормить, но также и одѣть и снарядить въ дальнѣйшій путь,—заповѣдь безспорно великая и благодѣтельная, еслибы только она всегда и вездѣ исполнялась какъ слѣдуетъ.

Черезъ нѣсколько времени на дворѣ появилась длинная процессія бухарцевъ. Беззвучно ступая своими босыми ногами по убитому, глиняному полу двора, они казались, при мягкомъ свѣтѣ луны, какъ-бы таинственными тѣнями. Каждый изъ нихъ несъ какое-либо блюдо; отъ нѣкоторыхъ изъ блюдъ поднималась едва замѣтная струйка пара; это несли ужинъ для миссіи. Его сервировали просто на полу, покрытомъ коврами и скатертью. Когда все было уставлено, то можно было ужаснуться при видѣ огромнаго числа блюдъ; ихъ было никакъ не менѣе 30-ти. Не было никакой возможности не только съѣсть ихъ, но даже и упомнить всѣ ихъ названія. Среди всего этого горой возвышалось нѣсколько блюдъ съ неизбѣжнымъ пилавомъ.

На слѣдующій день, солнце еще не успѣло согрѣть своими косыми лучами охладѣвшую за ночь землю—какъ мы уже были въ сѣдлахъ. До Карши пришлось сдѣлать въ два дня около 70-ти верстъ пути. Дорога теперь пролегала уже по культивированной мѣстности. Кругомъ—поля, засѣянныя пшеницей и джугарой (сорго); мѣстами виднѣлись ячмень и просо. Дорогу, время отъ времени, пересѣкали «арыки», густою сѣтью раскинутые по полямъ. Вдали, изъ зелени деревьевъ выглядывали кишлаки и одинокія сакли и юрты. По дорогѣ мѣстами попадались одиночные курганы, о которыхъ, къ сожалѣнію,

не сохранилось никакихъ преданій. А вотъ виднѣется и бакша, засѣянная арбузами и дынями, которыми такъ славится Бухара и вообще Средняя Азія. Вообще степь приняла здѣсь болѣе оживленную физіономію. Дорога, по которой мы ѣхали, торная; видно было, что по ней происходитъ оживленное движеніе. Оно и понятно. Это большая торговая дорога между Шахрисябзомъ и городами Карши и Бухарой. Теперь намъ уже довольно часто приходилось встрѣчать длинныя вереницы верблюдовъ, горбатыя спины которыхъ были увѣшаны разнообразными, по величинѣ и по вѣсу, вьюками. Вотъ вьюки съ хлопчатой бумагой—они такъ длинны, что едва не волочатся по землѣ; а вотъ и маленькіе, но тяжелые вьюки съ русскими чугунными котлами. Иногда пересѣчетъ дорогу на своемъ «ходунѣ», нагруженномъ батманомъ пшеницы, возсѣдающій сверху батмана узбекъ,— и его лошадка, не смотря на двойную тяжесть, отчетливо выбиваетъ сильными ногами дробь «тропоты».

Съ этого дня начались огорченія для нашего топографа. «Знаковъ» для маршрута было обиліе: здѣсь деревенька, тамъ курганъ, а то развалины какія нибудь. Надо узнать и о томъ — какъ зовется деревенька, что это за развалины и т. п. Не владѣя туземнымъ языкомъ, онъ постоянно долженъ былъ обращаться за помощью то къ Назирову, то къ Заманъ-беку. Но наши «ученые» переводчики не особенно охотно исполняли его просьбы и справки — и вотъ отсюда-то и произошли огорченія, которыя впослѣдствіи перешли даже въ открытую распрю.

Верстъ за 35 до Карши намъ пришлось проѣхать обширными развалинами существовавшаго здѣсь когда-то города Чимъ. Исполинскіе арыки (оросительные каналы), полузасыпанные въ настоящее время иломъ и пескомъ, сѣтью расходятся на многія версты; огромныя насыпи, по всей вѣроятности остатки бывшихъ городскихъ валовъ, охватываютъ значительное пространство степи; на многихъ квадратныхъ верстахъ разсѣяны развалины домовъ; во многихъ мѣстахъ выдаются изъ всей этой кучи вершины кургановъ. — Все это свидѣтельствуетъ, что здѣсь, прежде, кипѣла дѣятельная жизнь многолюднаго населенія. Въ настоящее время отъ громаднаго города остался лишь жалкій кишлакъ. Свѣдущіе бухарцы сообщали мнѣ, что этотъ городъ былъ разоренъ во время бухарскихъ междуусобій,

происходившихъ лѣтъ 300 тому назадъ. Но, по моему мнѣнію, можно объяснить запустѣніе города и иначе. Это запустѣніе могло произойти вслѣдствіе обѣднѣнія водой, протекающей здѣсь, Кашки-Дарьи—чѣмъ бы это обѣднѣніе ни было вызвано. Въ окрестностяхъ Карши тоже находится много развалинъ запустѣвшихъ городовъ. Я не слыхалъ преданій о разрушеніи ихъ какимъ либо нашествіемъ непріятелей; поэтому я думаю, что и тамъ въ запустѣніи города играло важную роль уменьшеніе массы воды въ рѣкѣ Кашка-Дарьѣ. Весьма вѣроятно предположеніе, что обѣднѣніе водой Кашка-Дарьи вызвано увеличеніемъ народонаселенія въ Шахрисябзѣ, находящемся въ верховьяхъ названной рѣки; увеличенное народонасеніе обусловило большее потребленіе воды для мѣстныхъ оросительныхъ цѣлей, а это обстоятельство несомнѣнно могло повліять на водоснабженіе мѣстностей въ низовьяхъ рѣки не иначе, какъ только невыгоднымъ образомъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чима мы ночевали. Но, до прибытія на мѣсто ночлега, намъ пришлось во время дневнаго перехода, два раза останавливаться на мѣстахъ, заранѣе выбранныхъ бухарцами. По восточнымъ понятіямъ—важнымъ лицамъ спѣшить какимъ либо дѣломъ неприлично. Неприлично также быстро ходить, ѣхать, говорить. Вообще здѣсь за мѣрило достоинства человѣка принимается его большая или меньшая тяжеловѣсность, неповоротливость, важность. Чѣмъ выше находится туземецъ на лѣстницѣ чиновъ и почестей — тѣмъ медленнѣе, плавнѣе его движенія. Сохрани Богъ, если онъ сдѣлаетъ рѣзкое движеніе, произнесетъ громкое, живое слово! Этотъ человѣкъ сразу утратитъ въ глазахъ окружающихъ его людей значительную долю уваженія. — Посольство, помня мудрую пословицу: «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ»— ѣхало теперь тихо, съ частыми остановками. Впереди ѣхали три конныхъ бухарца — эсаулъ-баши[1]), съ золочеными палками въ рукахъ — символомъ власти ѣдущихъ вслѣдъ за ними особъ. Подобные предшественники означаютъ также, что ѣдущіе позади нихъ— люди, достойные высшаго почета.

На ночлежномъ привалѣ миссію встрѣтила новая бухарская депу-

---

[1]) Эсаулъ-баши—нѣчто вродѣ церемоніймейстеровъ; но имъ принадлежитъ также и полицейская власть.

тація. Въ ней, между прочимъ, находились два юноши, сыновья бека Каршинскаго. Они очень скоро подружились съ молодыми членами миссіи и жадно старались запомнить какъ можно болѣе русскихъ словъ. Это замѣчательные, для бухарцевъ, юноши, но я объ нихъ поговорю поподробнѣе послѣ. Вечеръ былъ въ этотъ день тихій, ясный. Раскаленный солнечный шаръ обливалъ своими послѣдними, красноватыми лучами опаленную, задыхающуюся отъ дневнаго зноя, землю. Тѣни единственныхъ почти деревьевъ въ жалкомъ кишлакѣ, расположенныхъ у нашихъ палатокъ и оттѣнявшихъ маленкій прудокъ,—длинными полосами легли по скатерти степи. Прошло нѣсколько минутъ—и, вмѣсто солнца, уже пожаромъ горѣла яркая вечерняя заря, полгоризонта обхватывая своими огненными объятіями. Въ воздухѣ стало свѣжо. Грудь съ наслажденіемъ вдыхала прохладный, чистый степной воздухъ. Какъ-бы ни была велика усталость путника—въ это время она забывается. Вы каждымъ членомъ чувствуете возстановленіе энергіи. Прочь усталость! Прочь дремота! Теперь только и жить; теперь только и наслаждаться этимъ живительнымъ воздухомъ.

На разосланномъ коврикѣ у самаго берега пруда сидѣла группа людей и довольно оживленно бесѣдовала. Здѣсь была вся миссія въ сборѣ. Предметъ бесѣды составляла настоящая поѣздка въ Авганистанъ. Генералъ Столѣтовъ, несомнѣнно обладавшій гораздо лучшими свѣдѣніями объ этой странѣ, чѣмъ остальные члены, разсказывалъ кое-что изъ исторіи Авганъ, знакомилъ съ ихъ обычаями, высказывалъ предположенія о томъ, что мы можемъ встрѣтить въ Авганистанѣ и т. п. Потомъ, онъ говорилъ о своемъ житьѣ на Кавказѣ и Красноводскѣ. Слушатели, понятно, ловили слова на лету, высказывая иногда прекурьезныя предположенія. Такъ напр. М. предположивъ, что въ Кабулѣ находится много англичанъ, думалъ найти тамъ англійскіе магазины съ готовымъ платьемъ... Мы потомъ увидимъ, что Афганистанъ совсѣмъ не такъ сильно заполоненъ англійскими товарами, какъ мы привыкли объ этомъ читать въ нашей ежедневной прессѣ. Въ данномъ случаѣ наша пресса пользуется исключительно англійскими источниками, а на сколько имъ, въ этомъ случаѣ, можно вѣрить—вопросъ въ настоящее время, кажется, уже достаточно разъясненный.

На слѣдующій день, лишь только мы проснулись и еще не успѣли одѣться, какъ намъ сообщили, что эмиръ прислалъ на встрѣчу миссіи своего Мирахура и карету. Этотъ Мирахуръ [1]) вскорѣ и самъ явился. Послѣ длинныхъ перекрестныхъ поздравленій и пожеланій желаній съ той и другой стороны, Мирахуръ объявилъ, что онъ посланъ эмиромъ встрѣтить дорогихъ гостей и проводить ихъ съ возможными удобствами до Карши, для чего и была прислана съ нимъ карета. Эта карета виднѣлась тутъ же, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ палатокъ. Это былъ обширный, крытый экипажъ типа ландо, хорошо поставленный на осяхъ, съ прочными рессорами. Экипажъ былъ запряженъ 6-ю лошадьми по парно. На трехъ лошадяхъ сидѣли форейторы бухарцы, они же были вмѣссѣ съ тѣмъ и кучера, такъ какъ кучерское мѣсто въ каретѣ было пусто. По восточнымъ понятіямъ о достоинствѣ—не прилично сажать впереди знатной особы простаго человѣка, хотя бы то было въ экипажѣ и дѣло касалось кучера и управленія лошадьми [2]).Во весь кузовъ кареты, былъ постланъ толстый, эластичный, шелковый матрацъ; сидѣнья не было. Въ экипажѣ помѣстились генералъ Столѣтовъ и полковникъ Разгоновъ. Остальные члены ѣхали верхомъ. Сзади и съ боковъ посольской группы ѣхало много конныхъ бухарцевъ, въ халатахъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, ослѣпительно-бѣлыхъ чалмахъ; они сидѣли на горячихъ лошадяхъ, въ большинствѣ случаевъ покрытыхъ богатыми, бархатными или парчевыми попонами. Между лошадьми можно было замѣтить двухъ, трехъ благородныхъ туркменскихъ коней. Въ продолженіи дневнаго перехода до Карши опять пришлось нѣсколько разъ останавливаться на заранѣе приготовленныхъ мѣстахъ, въ пріятной тѣни разноцвѣтныхъ бухарскихъ палатокъ. На одномъ изъ этихъ приваловъ миссію встрѣтили самые именитые бухарскіе сановники, убѣленные сѣдинами. Одинъ изъ нихъ былъ бекъ Каршинскій.

Верстъ за 10-ть до Карши, оба берега прихотливо извивающейся рѣки сплошь усѣяны селеніями. Сады непрерывной каймой тянутся по обѣимъ берегамъ ея. Наконецъ, вдали завидѣлась болѣе густая

---

[1]) Имя этого мирахура—Рахметъ-Уллахъ, что значитъ въ русскомъ переводѣ милость Божія.

[2]) Не съ востока ли перешла и къ намъ, въ наши центры цивилизаціи, мода на экипажи, съ мѣстами для кучеровъ сзади экипажа.

масса зелени, съ повиснувшимъ надъ ней пыльнымъ облакомъ. Это и былъ г. Карши [1]).

Чѣмъ болѣе мы приближались къ городу, тѣмъ болѣе и болѣе увеличивалась толпа окружавшихъ насъ бухарцевъ. Обширная, открытая равнина, подходящая съ юго-востока въ плотную къ самому городу, и по которой мы въ это время ѣхали,—была буквально залита массой разнохарактернаго люда, коннаго и пѣшаго. Работавшіе на поляхъ люди оставили свои работы и бѣжали вслѣдъ за нами. Другіе, со вскинутой на плечо мотыкой, съ раскрытымъ ртомъ, во всѣ глаза глядѣли на «урусовъ». Узко-глазый, какъ будто съ перекосившейся физіономіей, киргизъ стоялъ рядомъ съ рослымъ, мускулистымъ узбекомъ, крупныя черты лица котораго выражали не меньшее любопытство, чѣмъ и лицо его сосѣда. А вотъ и съ болѣе изящными очертаніями физіономіи таджикъ, пріостановивъ за уши своего навьюченнаго осла, прижался къ стѣнѣ ближайшей бахчи и также съ любопытствомъ вперилъ свои выразительные глазки на ѣдущую мимо него кавалькаду «урусовъ—тюрей».

Вотъ и предмѣстье города. Долго тянется пыльная и узкая улица. Она похожа на необитаемую: ни одного окна нѣтъ въ этихъ нескончаемыхъ, однообразныхъ глиняныхъ заборахъ. Только маленькія калитки, на подобіе звѣриныхъ норъ, напоминаютъ путнику, что тамъ, за заборомъ, все же есть жители. Въ слѣдующихъ улицахъ—вмѣсто заборовъ сплошными рядами потянулись невзрачныя лавки. Спертый вонючій воздухъ сразу насъ обдалъ и заставилъ почувствовать, что мы находимся въ азіатскомъ городѣ. У лавокъ и домовъ были также большія толпы народа. Нѣсколько фанатическихъ, хмурыхъ физіогномій сосредоточенно смотрѣли внизъ, не желая глядѣть на «кяфировъ» (невѣрныхъ). Другіе же грозно поблескивали изъ подъ нависшихъ бровей своими огненными глазами. Но это были только отдѣльныя, единичныя личности. Наибольшая же масса народа просто выражала какое-то тупое любопытство.

На углу одной мечети какой-то дивана [2]) произвелъ скандалъ.

---

[1]) Абсолютная высота гор. Карши, по Шварцу, 820 фут., астрономическое положеніе, тоже по Шварцу: Сѣверн. широта 38° 52′ 13″; долгота отъ Пулкова 35° 27′ 22″.

[2]) Бухарскій дервишъ, ордена „Накш-бенди“.

Онъ началъ осыпать посольство бранными словами, грозилъ кулаками и, наконецъ, возъимѣлъ было не совсѣмъ похвальную мысль—бросить въ насъ камнями. Но ѣхавшіе впереди «эсаулъ-баши» уняли буяна, прогнавъ его тѣми же самыми палками, которыя они такъ торжественно держали въ своихъ рукахъ. Меня очень поразилъ этотъ скандалъ и я поспѣшилъ разспросить, отчего все это произошло. Оказалось, что сначала дивана̀ попросилъ милостыню, но ему почему-то ея не дали; послѣ этого онъ и прибѣгъ было къ убѣдительному пріему, практикующемуся на большихъ дорогахъ, съ камнемъ въ рукѣ.

Затѣмъ, пришлось проѣхать чрезъ небольшой крытый базаръ. Здѣсь улицы вымощены, но Боже милосердный,—что это за мостовыя!—Булыжникъ да камень просто зря набросаны на дорогу, безъ какой бы то ни было утрамбовки, вѣроятно съ спеціальною цѣлью ломать ноги лошадямъ и шеи всадникамъ. Карета, въ которой ѣхали генералъ и полковникъ, получала сильные толчки, она прыгала съ одной кучи камней на другую; сидѣвшихъ въ ней отбрасывало то въ одну, то въ другую сторону. Бѣдные сѣдоки морщились, но продолжали ѣхать.—Здѣсь грязь, вонь и смрадъ отъ базарныхъ кухонь, расположенныхъ тутъ же на открытомъ воздухѣ, и на которыхъ жарились туземные бифштексы—«кябабъ»,—достигли высшаго предѣла. Но блѣдное, какъ бы съ испитыми лицами, населеніе базара повидимому наслаждалось подобными запахами—сидѣло, стояло, возилось около своихъ лотковъ и шкаповъ. Нѣкоторые изъ нихъ, во время проѣзда миссіи, вставали съ своихъ мѣстъ и кланялись, но многіе оставались въ излюбленной позѣ среднеазіатца — на корточкахъ и «ножки калачикомъ». Лавки здѣсь расположены безъ всякаго порядка: рядомъ съ фруктовой лавкой помѣщается шорная; сахаръ находится на одной полкѣ съ ржавыми гвоздями и т. д. Здѣсь—что ни домъ, то лавка. Но посмотрите—многія ли изъ нихъ могутъ называться этимъ именемъ? Вотъ у этого криваго, съ носомъ какъ у совы, лавочника, всего товару на три кокана [1]), а у этого продавца плодовъ всего нѣсколько фунтовъ урюку, да нѣсколько пригоршень дряннаго кишмиша. Какіе могутъ быть барыши

---

[1]) Коканъ—серебряная мѣстная монета одинаковой стоимости съ «теньги», т. е. 20 к.

отъ подобной торговли? На что тутъ жить?—А посмотрите на физіономіи торгующихъ: они высматриваютъ истыми купцами.

Затѣмъ мы выѣхали съ базара, повернули налѣво, прошли нѣсколько десятковъ шаговъ по берегу арыка, отѣненнаго густыми тутовыми деревьями—и очутились передъ широкими воротами назначеннаго для миссіи дома.

Это помѣщеніе сохраняло тотъ же типъ постройки, какъ и въ Чиракчи. Оно было только обширнѣе и чище. Внутренній дворъ, также огороженный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, занятъ былъ двумя флигелями. Въ одномъ изъ нихъ, одноэтажномъ, находилось всего двѣ комнаты, за то онѣ очень обширны. Потолокъ отъ пола отстоитъ по крайней мѣрѣ аршинъ на 9-ть. Въ этомъ зданіи, кромѣ обычныхъ «оконъ-дверей», былъ еще и верхній рядъ оконъ, съ вырѣзанными изъ камня рѣшетками; рѣшетки были обтянуты животнымъ пузыремъ, который здѣсь служитъ вмѣсто стеколъ. Стѣны зданія чисто выштукатурены и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, покрыты мелко написанными стихами изъ персидскихъ поэтовъ и хронограммами. Потолокъ состоялъ изъ огромнаго числа очень тонкихъ (не толще одного дюйма) палочекъ, плотно сложенныхъ одна къ другой и составляющихъ такимъ образомъ прочный щитъ, укрѣпленный на часто положенныхъ балкахъ. Затѣмъ, для устройства кровли туземцы обыкновенно на этотъ щитъ кладутъ такъ называемые барданы—циновки, очень прочно приготовленные изъ рѣчнаго камыша. Циновки кладутся въ нѣсколько рядовъ—и на нихъ насыпается земля. Затѣмъ сверху слой земли смазывается саманнымъ тѣстомъ [1])—и крыша готова, настолько прочная, что можетъ съ успѣхомъ противостоять сильнымъ весеннимъ ливнямъ.—Балки потолка представляли, въ данномъ случаѣ, красивый переплетъ хорошо выштукатуренный и обведенный по краямъ золотымъ бордюромъ. Кромѣ того, какъ балки, такъ и карнизы, были расписаны живописью, которая состояла исключительно изъ букетовъ и цвѣтовъ. Краски очень живы, а изъ значительнаго количества фигуръ букетовъ не было даже двухъ, которыя были бы похожи одна на другую. Полъ комнатъ былъ покрытъ коврами и одѣялами. Половина комнаты

---

[1]) Саманная масса состоитъ изъ глины, смѣшанной съ мякиной.

была занята огромнымъ, на скоро сбитымъ столомъ, уставленнымъ обычнымъ достарханомъ. Впрочемъ, достарханъ далеко не весь помѣстился на столѣ; скатерть свѣшивалась со стола и тянулась по полу до конца комнаты. Понятно, что вся она была уставлена блюдами и подносами съ разными туземными сластями и деликатесами. Передъ этимъ зданіемъ возвышалась каменная эстрада.

На противоположной сторонѣ двора находилось другое, двухъэтажное зданіе. Рѣзкое отличіе его отъ общаго типа туземныхъ домовъ состояло въ томъ, что окна верхняго этажа выходили на улицу. Подъ окнами протекалъ широкій, мутный арыкъ, а по ту сторону арыка, въ тѣни деревьевъ, собралась значительная толпа туземныхъ зѣвакъ и, перешептываясь и перебрасываясь другъ съ другомъ замѣчаніями, упорно занималась созерцаніемъ довольно знакомыхъ уже имъ гостей—«урусовъ». Стѣны комнатъ двухъэтажнаго зданія пестрѣли также надписями; но тутъ была все проза и автографы. Вотъ, напр. одна изъ нихъ: «2-й уральской сотни своднаго казачьяго полка Егоръ Палкинъ». Далѣе идетъ надпись вахмистра Оренбургской 1-й сотни своднаго казачьяго полкя. Всѣ эти надписи точно датированы. Одинъ счелъ необходимымъ даже пояснить происхожденіе этихъ надписей. Оказалось, что конвой казаковъ, бывшій здѣсь съ Г. Вейнбергомъ, за нѣсколько дней передъ нашимъ пріѣздомъ, возъимѣлъ счастливую мысль—дать знать о своемъ пребываніи здѣсь своимъ соотечественникамъ, если судьба когда либо забросить ихъ сюда. Какъ видитъ читатель, надписямъ этимъ пришлось ждать своихъ читателей не долго.

Человѣкъ вездѣ одинъ и тотъ же. Одни и тѣже чувства живутъ въ людяхъ, повидимому, рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Несомнѣнно, что одна и та же мысль, одно и то же чувство водитъ какъ рукой знаменитаго путешественнила, надписывающаго свое имя на трудно доступныхъ скалахъ и утесахъ Швейцаріи, гордаго англичанина, вырѣзывающаго свое имя на тысячелѣтнихъ храмахъ Индіи,—такъ и рукою малограмотнаго казака съ береговъ Яика и Ори...

Съ обычными церемоніями миссія была введена въ помѣщеніе. Мирахуръ занялъ роль метр-д'отеля.

Наши гостепріимные хозяева, однако, скоро сообразили, что не-

обходимо дать своимъ гостямъ полный покой. Мирахуръ спросилъ генерала о времени представленія миссіи эмиру, на что и получилъ отвѣтъ, что «это вполнѣ зависитъ отъ благоусмотрѣнія эмира». Впрочемъ генералъ прибавилъ, что миссія очень спѣшитъ, а потому не можетъ долго оставаться въ Карши. Послѣ этого мирахуръ отправился къ эмиру бухарскому для доклада. Около 7-ми часовъ вечера онъ снова пришелъ и объявилъ, что эмиръ проситъ миссію пожаловать къ нему на аудіенцію на слѣдующій день утромъ.

Надо было приготовиться, почиститься, вымыться и т. п. Недѣльный путь покрылъ насъ толстымъ слоемъ пыли. Тѣло зудѣло, чесалось и просило русской бани. Вотъ тутъ-то и явилось очень кстати предложеніе мирахура — посѣтить здѣшнія городскія бани. Предложеніе было принято, конечно, съ удовольствіемъ. Мнѣ было очень интересно осмотрѣть бухарскія бани. — Мирахуръ отдалъ тотчасъ же соотвѣтствующія приказанія одному изъ приставленныхъ къ намъ для услугъ караулъ-бегу [1]). Черезъ нѣсколько минутъ все было готово—и мы всѣ вмѣстѣ отправились въ путь.

Между тѣмъ солнце уже сѣло. сумерки погрузили въ неясный мракъ узкія и кривыя улицы города, которыя теперь представлялись совершенно пустынными: ни одного человѣка не виднѣлось на нашемъ пути. Только нѣсколько бездомныхъ собакъ надрывались хриплымъ лаемъ и бросались съ задорнымъ рычаніемъ подъ ноги лошадей. Но послѣ ближайшаго и нельзя сказать чтобы пріятнаго знакомства съ лошадиными копытами, онѣ отпрянули подальше, и только издали изливали въ жалобномъ завываніи свою, уже не безпричинную теперь, злобу. Долго пришлось намъ колесить по разнымъ переулкамъ, пока мы добрались до бань. Мѣстами воздухъ былъ нестерпимо вонючъ и гадокъ, такъ что духъ захватывало въ нашихъ непривычныхъ грудяхъ. Наконецъ изъ мрака уже совершенно сгустившихся сумерекъ блеснулъ слабый красноватый свѣтъ. Два жирника освѣщали незавидный входъ въ бани—небольшое куполообразное зданіе. Мы вошли. Все зданіе бани состояло только изъ двухъ

---

[1]) Караулъ-беги—бухарскій чиновникъ, исполняющій полицейскія обязанности.

неособенно обширныхъ комнатъ, незатѣйливость, даже бѣдность обстановки которыхъ рѣзко бросалась въ глаза. Полъ устланъ простыми грязными «палассами», нѣсколько табуретовъ было разбросано по комнатѣ. Стѣны—не оштукатурены, потолокъ состоялъ изъ простыхъ бардановъ. На извѣстной высотѣ протянуты были вдоль всей комнаты веревки, а на нихъ сушились разноцвѣтные платки, только что снятые съ мывшихся до насъ людей. Въ одномъ изъ угловъ—незатѣйливый очагъ, въ другомъ — огромный, повидимому, никогда не чистившійся, русскій самоваръ. У дверей, ведущихъ въ отдѣленіе для мытья, точно статуи, неподвижно стояли 3 или 4 мыльщика. Они были совершенно раздѣты; только неизмѣнный платокъ обхватывалъ ихъ чресла и спускался спереди до колѣнъ.

Хозяинъ бани встрѣтилъ своихъ нежданныхъ посѣтителей низкими поклонами, пожатіемъ руки и отрывистымъ: аманъ! повтореннымъ имъ нѣсколько разъ каждому изъ насъ. Нѣсколько минутъ спустя мрачные своды мыльнаго отдѣленія огласились непривычными звуками чуждой для нихъ русской рѣчи, быть можетъ никогда еще не раздававшейся здѣсь прежде. Мыльная комната имѣла такую же непривлекательную наружность, какъ и пріемная. Яйцеобразный сводъ, съ единственнымъ окномъ въ своемъ центрѣ, погруженъ былъ въ смутный полумракъ. Освѣщеніе состояло изъ одной только лампады, спускавшейся на шнуркѣ изъ купола. Свѣтъ почти совсѣмъ не достигалъ глубины нишъ, высѣченныхъ по бокамъ стѣнъ. Тамъ царилъ полнѣйшій мракъ. Съ непривычки трудно было оріентироваться въ этой темнотѣ, но потомъ—ничего, мы обглядѣлись.

Мыльщики вступили въ свои права. Наслышавшись прежде о восточныхъ баняхъ, понятно,—я ожидалъ совсѣмъ другой обстановки. Но неприглядная дѣйствительность, встрѣченная мною здѣсь, производила очень рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что я слышалъ. Точно также и отъ способа мытья я ожидалъ большаго. Но первые же пріемы мыльщиковъ заставили меня отнестись къ ихъ искуству болѣе, чѣмъ скептично. Посуды въ банѣ почти совсѣмъ не было. На полу—надо отдать справедливость строителямъ бани, единственной вещи удовлетворительно построенной и нагрѣваемой снизу — валялось нѣсколько деревянныхъ и каменныхъ чашекъ, около фута въ діаметрѣ каждая. Онѣ замѣняли здѣсь тазы. Мыльщикъ началъ съ того, что зачерп-

нулъ изъ резервуара, помѣщеннаго въ одной изъ боковыхъ нишъ, теплой воды и облилъ ею голову своего кліента. Затѣмъ онъ началъ тереть голыми, ненамыленными руками также ненамыленную голову. Если для брито-головыхъ бухарцевъ этотъ способъ мытья и умѣстенъ, то для человѣка, обладающаго густыми волосами, подобное мытье является совершенно не желательнымъ воспроизведеніемъ школьныхъ «вселенскихъ смазей» и «вывертовъ». Поэтому я поспѣшилъ освободить моего патрона отъ его обязанностей. Онъ этимъ, впрочемъ, не смутился, принесъ 10 яицъ, и разбивъ ихъ и смѣшавъ въ общую массу, вылилъ мнѣ ихъ на голову. Не ожидая подобной продѣлки—такъ какъ до тѣхъ поръ я и не подозрѣвалъ такой роли яицъ въ экономіи природы,—я просто обезумѣлъ и пришелъ въ сильную ярость, когда липкая масса заклеила мнѣ глаза, носъ и угрожала запечатать ротъ. Услыхавъ мою распрю съ мыльщикомъ, Заманбекъ поспѣшилъ мнѣ объяснить, что подобный «методъ мытья» очень въ ходу у среднеазіатскихъ мыльщиковъ и что «это очень хорошо очищаетъ голову».—Я долженъ былъ покориться своей участи, хотя и не былъ убѣжденъ въ особенной пользѣ этого способа мытья. Затѣмъ я почувствовалъ, что мой мыльщикъ началъ какъ будто скребницей драть мою спину. Оказалось въ «методъ» мытья входитъ также способъ растиранія тѣла моющагося едва смоченной въ водѣ грубой шерстянной перчаткой. На ней также не было ни грана мыла. Но этимъ дѣло еще не кончилось. Надо было испить чашу наслажденій до конца. М. предложилъ мнѣ попробовать среднеазіатскій «massage». Долго мой мыльщикъ перебиралъ и мялъ мои мышцы и кости. Затѣмъ онъ началъ вытягивать руки, ноги, все туловище. Суставы хрустѣли и трещали; но всѣ эти манипуляціи были продѣланы мыльщикомъ настолько искусно, что, даже при очень сильныхъ вытяженіяхъ, не ощущалось ни малѣйшей боли. Заключительнымъ актомъ «massage'а» долженствовало быть хожденіе моего баннаго патрона по всему моему тѣлу: по спинѣ, животу и послѣдующее «рубленіе» тѣла. Прочитавъ предпослѣднее слово, читатель прійдетъ, вѣроятно, въ недоумѣніе. «Рубленіе! что это такое»?—Вотъ это что. Мыльщикъ, начинаетъ быстро ударять ребрами ладони своихъ рукъ по тѣлу кліента, направляя удары поперегъ мышицъ; онъ какъ будто рубитъ мышцы поперегъ своими ладонями. Отъ «хожденія» я отказался,

но рубленіе попробовалъ съ удовольствіемъ. Вотъ каковъ средне-азіатскій massage.

Въ пріемной, по выходѣ изъ бани, мы нашли чай уже готовымъ. Пузатый самоваръ внушительно шипѣлъ и пускалъ къ потолку цѣцыя облака пара. Мыльщики и содержатель бани были одарены халатами, что заставило ихъ низко согнуть свои спины, въ знакъ благодарности.

Послѣдняя нотка муэззина прозвучала въ ночномъ, безмолвномъ воздухѣ и какъ то вдругъ оборвалась; правовѣрные призывались передъ сномъ совершить «намазъ-хуфтенъ». Въ это время мы медленно возвращались домой по совершенно безжизненнымъ улицамъ. Ночь была такъ темна, что проводникъ, караулъ-беги, счелъ необходимымъ идти впереди пѣшкомъ, освѣщая путь тусклымъ, изъ промаслянной бумаги сдѣланнымъ, фонаремъ; луна еще не взошла, но звѣзды ярко сіяли на безоблачномъ небѣ. Вотъ сверкнули два, три скользящихъ свѣтовыхъ луча падающихъ метеоровъ. Гулко раздавались удары копытъ о небрежно разбросанные по улицѣ камни. Одинъ изъ казаковъ напѣвалъ тихонько пѣсню. Издали доносился оживленный, хотя и неясный говоръ другихъ казаковъ, оставшихся назади. А кругомъ царила тишина; городъ точно весь вымеръ...

На слѣдующее утро (7-го іюня), часовъ около 8-ми, мы всѣ были заняты приготовленіями къ аудіэнціи, которую долженъ былъ дать миссіи эмиръ бухарскій. Вскорѣ пріѣхалъ и мирахуръ, сообщившій что «посольству время отправиться къ эмиру». Мы поѣхали верхомъ, въ полной парадной формѣ; только генералъ вмѣсто каски имѣлъ на головѣ обыкновенную бѣлую фуражку. Улицы, по которымъ мы проѣзжали, были запружены народомъ. Огромная толпа шла слѣдомъ за нами. На поворотѣ къ крѣпости одинъ дервишъ, обратившись къ намъ, сказалъ какую-то рѣчь. Послѣ я узналъ, что это было пожеланіе счастливаго пути. Оно было выражено чисто въ бухарскомъ вкусѣ; въ русскомъ переводѣ это выходитъ довольно энергично, именно: онъ желалъ чтобъ мы всѣ возвратились отъ эмира въ цѣлости и въ добромъ здоровьѣ. Очевидно, что почтенный кандидатъ въ мусульманскіе святые примѣнялъ къ намъ таковой же масштабъ милостей эмира, какъ и къ своимъ соотечественникамъ. Дѣйствительно, совсѣмъ не рѣдкость, особенно въ

прежнія времена, что отправившійся къ эмиру бухарецъ болѣе не возвращался оттуда. Но вѣдь теперь уже совсѣмъ прошла пора примѣненія такого масштаба милостей эмира бухарскаго къ иностраннымъ гостямъ,—тѣмъ болѣе, что эти гости, въ данномъ случаѣ, были представителями великой державы, силу и великодушіе которой эмиръ, да и весь народъ бухарскій, имѣлъ много случаевъ испытать и оцѣнить по достоинству.

Передъ нами крѣпость Карши. Высокая (до 5 саж.) глинобитная стѣна, мѣстами обвалившаяся, охватываетъ значительное пространство земли. Ворота, черезъ которыя мы проѣхали, обставлены съ обѣихъ сторонъ толстыми, зубчатыми башнями, снабженными бойницами. Толщина стѣны внизу—до 5-ти саженъ. Внутренность крѣпости занята домами болѣе значительной величины, чѣмъ обыкновенные обывательскіе дома. Нѣкоторые изъ нихъ построены изъ жженаго кирпича. Два или три дома плохо отдѣланы мозаикой изъ разноцвѣтныхъ изразцевъ. Это—медрессе, мусульманскіе университеты. Нѣсколько яйцеобразныхъ, полинялыхъ куполовъ возвышаются надъ сосѣдними зданіями,—это мечети. Вообще, покуда ничего нѣтъ замѣчательнаго. Пришлось проѣхать еще двумя воротами — и мы въѣхали въ цитадель крѣпости, гдѣ жилъ въ данное время эмиръ. Передъ вторыми воротами былъ выстроенъ отрядъ бухарской пѣхоты; во время проѣзда миссіи онъ отдалъ ей честь. Я явственно разслышалъ команду на русскомъ языкѣ: смирно! на караулъ! Солдаты, преимущественно киргизы и узбеки, были одѣты въ короткіе красные халаты, которые должны были изображать собою мундиры. На головахъ у нихъ были высокія мохнатыя шапки, а на ногахъ—высокіе кожаные сапоги. Солдаты были вооружены ружьями, заряжающимися съ дульной части.

Передъ этими воротами мирахуръ предложилъ миссіи сойти съ лошадей и пройти чрезъ нихъ пѣшкомъ. Но переводчикъ персидскаго языка, онъ же и истолкователь среднеазіатскихъ «свычаевъ и обычаевъ», Назировъ, предполагая въ этомъ предложеніи только неумѣренное требованіе придворнаго этикета, состоящее въ томъ, чтобы никто не входилъ въ крѣпость, гдѣ живетъ эмиръ, на конѣ а непремѣнно пѣшкомъ,—отклонилъ это предложеніе. Мы проѣхали верхомъ; а мирахуръ состроилъ кислую гримасу. Наконецъ еще однѣ

и уже послѣднія ворота отдѣляли насъ отъ помѣщенія эмира. Здѣсь мы спѣшились, отдали лошадей бухарскимъ джигитамъ и вошли во дворъ. Дворъ былъ обширный, чисто выложенный плитами изъ обожженной глины. Почти посрединѣ его—небольшой бассейнъ, едва наполненный водой. Во всю сѣверную стѣну квадратнаго двора тянулось длинное одноэтажное зданіе. Вся передняя стѣна зданія была пробита многочисленными «окнами-дверями». Крыша зданія обыкновенная «саманная». Во внутреннія комнаты вели двѣ двери, къ которымъ пристроены 2 неуклюжія, въ 3—4 ступени, крыльца. На дворѣ—ни одного деревца и ни одного живаго существа.

Мирахуръ шелъ впереди насъ, боязливо осматриваясь по сторонамъ, точно ожидая увидѣть что-либо страшное. Мы шли сзади отъ него, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Вотъ онъ тихонько сказалъ, чтобы мы остановились, а самъ торопливо вошелъ на крыльцо и пугливо заглянулъ въ дверь. Затѣмъ онъ быстро откинулся отъ дверей и пошелъ назадъ, пятясь задомъ и, съ каждымъ шагомъ, низко кланяясь. Вотъ онъ подалъ знакъ—и мы, одинъ за другимъ, вошли на крыльцо. Сердце тревожно билось у меня въ груди. Жуткое чувство охватывало все мое существо: я въ первый еще разъ становился такъ близко къ коронованной особѣ, хотя это былъ только эмиръ бухарскій. Мысль невольно устремилась въ далекое прошлое, когда одного мановенія руки этого страшнаго властителя достаточно было для того, чтобы человѣкъ пересталъ существовать, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ. Мы вошли. Посреди обширной залы сидѣлъ эмиръ бухарскій, Сеидъ-Мозафаръ-эддинъ-ханъ.

Это довольно тучный, пожилой человѣкъ, лѣтъ подъ 60. Черты лица его очень правильны и носятъ слѣды бывшей замѣчательной красоты. Черные глаза проницательно смотрятъ изъ подъ посѣдѣвшихъ бровей. Слегка выгнутый носъ и борода съ просѣдью дополняютъ характеристику лица повелителя правовѣрныхъ Средней Азіи. Онъ сидѣлъ въ очень простомъ креслѣ; одѣтъ былъ болѣе чѣмъ скромно. Простая бѣлая чалма на головѣ, полушелковый, полосатый—темныхъ цвѣтовъ съ зеленымъ—халатъ на плечахъ, желтыя сафьянныя туфли на ногахъ—вотъ и весь костюмъ эмира. Когда посольство приблизилось къ нему, то онъ слегка привсталъ, но не сдѣлалъ ни

одного шага на встрѣчу. Сейчасъ же генералъ Столѣтовъ обратился (черезъ переводчика) съ привѣтствіемъ къ эмиру, а потомъ представилъ ему остальныхъ членовъ посольства отдѣльно, обозначая спеціальность каждаго. Когда я былъ, въ свою очередь, представленъ, то эмиръ улыбнулся и сказалъ едва-ли не единственную, во все время аудіэнціи, длинную фразу: Онъ выразилъ удивленіе, что я такъ молодъ, а между тѣмъ врачъ.

— У насъ, сказалъ эмиръ, врачи обыкновенно люди очень пожилые, часто сѣдобородые.

Онъ каждому члену посольства подалъ руку и жестомъ пригласилъ всѣхъ насъ садиться. У стѣны, напротивъ кресла эмира, были разставлены семь стульевъ, видимо домашняго приготовленія, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Затѣмъ генералъ Столѣтовъ бесѣдовалъ съ эмиромъ около ¹|₄ часа. Эмиръ, по большей части ограничивался односложными фразами—«да», «нѣтъ» и т. п. При этомъ голосъ его нѣсколько дрожалъ и звучалъ какъ то особенно мягко, а проницательные глаза нервно оглядывали всѣхъ членовъ миссіи.

Теперь я имѣлъ возможность осмотрѣться. Аудіэнцъ-зала эмира совсѣмъ не блистала ни роскошью, ни красотой, ни убранствомъ. Это была просто большая комната, сажень 10 въ длину и до 5—въ ширину. Исключая кресла, на которомъ сидѣлъ эмиръ, и 7-ми стульевъ, занятыхъ членами миссіи, въ ней не было никакой другой мебели. Голыя, чисто выштукатуренныя стѣны блистали отсутствіемъ какихъ бы то ни было украшеній. Полъ былъ устланъ простыми, хотя и огромной величины, паласами. Весь полъ покрывался только двумя такими коврами.—Потолокъ былъ лишенъ даже и тѣхъ незатѣйливыхъ украшеній, которыя замѣчались въ нашемъ помѣщеніи. Обстановка помѣщенія эмира, какъ видитъ читатель, совсѣмъ была незавидная и весьма мало говорящая о восточной пышности среднеазіатскихъ потентатовъ,—той пышности, которая послужила предметомъ восторженныхъ описаній немногихъ европейцевъ и цѣлой плеяды персидскихъ писателей. Потомъ, впрочемъ, мы узнали, что эмиръ принималъ насъ въ мечети, такъ какъ въ Карши дворца, спеціально выстроеннаго для него, нѣтъ.

Вскорѣ мы откланялись эмиру. До самой двери всѣмъ намъ пришлось идти задомъ, т. е. оборотясь лицомъ къ эмиру, который провожалъ насъ взглядомъ.

Когда мы вышли отъ эмира, то Каршинскій бекъ пригласилъ насъ къ себѣ. Онъ помѣщался въ сосѣднемъ зданіи, еще болѣе незавидномъ, чѣмъ то, въ которомъ насъ принималъ эмиръ.

Бекъ разсыпался въ любезностяхъ и усердно началъ угощать насъ всѣмъ, что только онъ имѣлъ. Генералъ черезъ нѣсколько минутъ опять отправился къ эмиру. На этотъ разъ его сопровождалъ только переводчикъ Н. Отсутствіе генерала продолжалось около 20 минутъ.—Тѣмъ временемъ мы очень оживленно бесѣдовали съ нашими гостепріимными хозяевами. Бекъ разспрашивалъ насъ о томъ, что дѣлается въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, зачѣмъ и куда идутъ наши войска; онъ разсказывалъ также о недавнемъ пребываніи здѣсь г. Вейнберга и о разныхъ другихъ событіяхъ. Между тѣмъ возвратился генералъ. Вслѣдъ за нимъ пришелъ и неизмѣнный, подобно тѣни вездѣ за нами слѣдовавшій, мирахуръ. За нимъ шла цѣлая вереница прислужниковъ, которые несли подносы и узлы съ различными подарками; этими подарками изволилъ одарить миссію эмиръ бухарскій. Тутъ были, главнымъ образомъ, разнообразные халаты, куски бархата, куски шелковой матеріи, пояса украшенные золотыми и серебрянными, осыпанными бирюзой, бляхами, халаты изъ каракульскихъ мерлушекъ, нѣжныхъ какъ древнее колхидское руно и проч. Потомъ мимо оконъ другіе прислужники провели семь лошадей, покрытыхъ парчевыми, шитыми золотомъ попонами. Уздечки на коняхъ были оправлены въ серебро и украшены бирюзой. Бекъ каршинскій, въ свою очередь, также подарилъ миссіи много различныхъ предметовъ и вещей въ томъ же родѣ.

Отправляясь обратно домой, мы сѣли на подаренныхъ лошадей и ѣхали такимъ образомъ черезъ весь городъ до нашего помѣщенія, съ трудомъ пробираясь черезъ многолюдную толпу, наполнявшую всѣ улицы, по которымъ должна была слѣдовать миссія. Духота была страшная; потъ лилъ ручьями съ лица каждаго изъ насъ. Понятно, что лишь только мы пріѣхали въ свое помѣщеніе, какъ сейчасъ же сбросили съ себя долой совсѣмъ не по сезону теплые мундиры, и облеклись въ болѣе легкіе бѣлые кителя, безъ которыхъ здѣсь, въ Средней Азіи, военному люду было бы совсѣмъ плохо.

Мнѣ кажется, что мирахуръ имѣлъ запасную пару ногъ. Не успѣли мы переодѣться, какъ онъ уже былъ опять у насъ. Онъ передалъ

генералу Столѣтову добрыя пожеланія эмира и выраженіе великаго удовольствія, вынесеннаго повелителемъ Бухары изъ аудіэнціи. Къ этому онъ прибавилъ, что для увеселенія своихъ дорогихъ гостей эмиръ прислалъ придворныхъ актеровъ, пѣвцовъ, плясуновъ и «иныхъ художниковъ». Поэтому онъ, мирахуръ, просилъ генерала разрѣшить всѣмъ этимъ людямъ войти и показать свое искуство. Но генералъ отказалъ ему въ этой просьбѣ.

— Къ чему это?—вѣдь мы пріѣхали не ради забавы, а по дѣлу, отвѣчалъ онъ.

Такъ и не пришлось посмотрѣть туземныхъ актеровъ и «иныхъ художниковъ». А между тѣмъ мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть одну вещь, о которой существуютъ два противорѣчащія одно другому мнѣнія. Это—пляска бачей. Я знаю людей, которые восторгаются этими танцами; другіе же, напротивъ, сводятъ ихъ къ безобразнымъ кривляньямъ. Пѣвцы и музыканты также очень интересовали меня. Но и въ этомъ желаніи я долженъ былъ отказать себѣ. За то изъ оконъ флигеля, въ которомъ я помѣстился, видна была разношерстная толпа народа, обступившая со всѣхъ сторонъ фокусника, выдѣлывавшаго разныя штуки. Нѣсколько серебряныхъ монетъ, брошенныхъ ему мною изъ окна, привлекли сюда вожака медвѣдя съ козой; вскорѣ къ нимъ присоединился индѣецъ съ мартышкой. Черезъ нѣсколько минутъ приплелся сюда же вчерашній дивана—и они всѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались овладѣть вниманіемъ зрителей-гостей, свѣсившихъ головы изъ оконъ верхняго этажа зданія. Медвѣдь, положимъ, не показывалъ обычное у насъ,—«какъ малыя ребята горохъ воруютъ», но за то изображалъ весьма удачно, судя по задушевному смѣху толпы, сопровождавшему различныя штуки мишеньки,—пьянаго, шатающаго туземца и сартянку, смотрящуюся въ зеркало; онъ подражалъ работѣ при навьючкѣ и развьючиваніи животныхъ, плясалъ вмѣстѣ съ козой и боролся съ своимъ вожакомъ-хозяиномъ. Обезьяна прыгала по шесту, а затѣмъ повисла на ближайшихъ вѣтвяхъ тутоваго дерева, гибкія вѣтви котораго тянулись черезъ широкій арыкъ и почти достигали нашихъ оконъ. Потомъ она забралась на самую вершину дерева и ни за что не хотѣла слѣзть оттуда, что заставило ея хозяина взобраться на дерево, для пущаго комизма упасть съ него въ арыкъ, и продѣлать нѣсколько другихъ

ухватокъ, по ловкости и остроумію не много отличавшихся отъ продѣлокъ сосѣда—мишеньки, но совершенно достаточныхъ, чтобы вызвать оживленную веселость въ окружавшей его нетребовательной туземной публикѣ. Дивана, послѣ нѣсколькихъ кривляній и борьбы съ оборваннымъ нищимъ, упалъ на землю, носомъ внизъ, и приказалъ себя засыпать землею. Окружающіе его зѣваки, преимущественно уличные мальчишки, тотчасъ принялись за дѣло—и скоро дивана изчезъ подъ мягкимъ слоемъ арычнаго песка и ила. Уже нельзя было различить подъ грудой песка очертаній человѣческаго тѣла, а мальчишки продолжали его все засыпать. Нѣсколько минутъ лежалъ дивана подъ пескомъ. Ребятишки прекратили свою работу, равнодушно смотрѣли и ждали, что изъ этого выйдетъ. Куча недвигалась. Я не знаю чѣмъ бы все это кончилось, если бы нѣкоторые изъ присутствовавшихъ туземцевъ не вмѣшались въ эту шутку. Они сдвинули, вмѣстѣ съ кучей земли, дивану въ арыкъ. Проплывъ двѣ, три сажени въ водѣ, онъ, при общемъ смѣхѣ толпы, выбрелъ на берегъ. Нѣсколько бѣлыхъ монетъ, выброшенныхъ нами изъ окна, были ему наградой за его потѣху.

Между тѣмъ время было уже за полдень. Жара была такъ сильна, какъ еще ни въ одинъ изъ предъидущихъ дней. Въ тѣни разбитой на дворѣ палатки, въ которой помѣстился полковникъ Разгоновъ въ 1 часъ дня t° достигла 42,6° С.—Въ ней можно было выпариться, какъ въ паровой банѣ, но полковникъ—ничего, жилъ и даже не жаловался.

На завтра было назначено выступленіе изъ Карши. Направленіе пути было выбрано на Гюзаръ, Ширабадъ и Чушка-Гюзаръ, на Аму-Дарьѣ. Путь этотъ на большемъ своемъ протяженіи пролегаетъ горами. Надо было, поэтому, приготовиться къ нему; необходимо было взять съ собою въ запасъ подковъ, веревокъ, кошемъ и т. п. За всѣмъ этимъ были посланы джигиты на мѣстный базаръ. На расходы имъ даны были русскія серебряныя деньги. Но оказалось, что наши 20 копѣечныя монеты идутъ здѣсь только по 15 коп.— «Урусъ теньга—яманъ теньга», (русская теньга—худая теньга) говорили туземцы. Они были конечно правы. Бухарское размѣнное серебро заключаетъ въ себѣ очень незначительную примѣсь лигатуры, между тѣмъ какъ наше размѣнное серебро содержитъ 52 части лига-

туры. Бухарцы очень скоро это узнали и оцѣнили нашу монету по достоинству. А наши кредитные билеты здѣсь совсѣмъ не имѣютъ сбыта.

Часовъ въ 5-ть дня мы были удивлены появленіемъ на нашемъ дворѣ какой-то странной фигуры, одѣтой въ европейскій костюмъ. Это былъ старикъ, лѣтъ подъ 50, а можетъ быть и больше. На его тощія плечи былъ натянутъ очень потертый, чернаго сукна, фракъ; на головѣ — черная поярковая, сильно помятая, шляпа. Онъ прошелъ прямо къ генералу и долго съ нимъ о чемъ-то бесѣдовалъ. Разговоръ ихъ происходилъ на французскомъ языкѣ,—что привело насъ въ еще большее недоумѣніе. Когда онъ вышелъ отъ генерала, то мы узнали, что это—авантюристъ, нѣкто Филиппъ, французъ по національности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, а отсюда—въ Самаркандъ, показывая различные эквилибристическіе фокусы. Потомъ онъ пробрался въ Бухару и въ данное время состоялъ первымъ актеромъ въ придворной труппѣ Его высокостепенства, эмира бухарскаго. Кажется, бѣдный старикъ радъ былъ бы возвратиться на родину, но не могъ этого исполнить вслѣдствіе безденежья. Бѣдный, несчастный старикъ! какъ должно быть тебѣ тяжело жить среди этихъ дикарей, вспоминая о своей прекрасной Франціи! И въ такіе годы!.. у порога могилы!... Начальникъ миссіи говорилъ потомъ, что Филиппъ отчасти забылъ свой родной языкъ. Я не знаю, помогъ ли какимъ либо образомъ генералъ этому, по истинѣ достойному состраданія, человѣку. Его мы больше не видали.

Вечеръ этого дня былъ посвященъ писанію писемъ въ Туркестанскій край и Европейскую Россію. Генералъ писалъ донесенія Туркестанскому Генералъ-Губернатору.

ГЛАВА III.

Карши.—Аму-Дарья.

От Карши до Гюзара.—Характер степи.—Эпизод с Гюзарским беком.—Гюзарскій еврей. — Горный путь от Гюзара до Шир-абада.—«Желѣзныя ворота».—Дневка в Сер-абѣ.—Джемадар-тюря.—Город Шир-абад.—Моя врачебная практика.— Пріѣзд авганскаго посланца с письмом.—Путь от Шир-абада до Чушка-Гюзара.—Перипетіи переправы миссіи через Аму-Дарью.

На слѣдующій день, 8-го іюня, около 5-ти часов по полудни, мы выѣхали из Карши. От этого города до Гюзара считают около 50 верст пути по прямой дорогѣ. Генерал рѣшил пройти это разстояніе в одни сутки, так что половину пути нужно было сдѣлать вечером этого дня, а другую половину на слѣдующее утро. На перепутьѣ, в небольшом кишлакѣ Янги-кентѣ, предположено было сдѣлать небольшой отдых.

Перед выѣздом из Карши я велѣл осѣдлать себѣ коня только-что подареннаго эмиром. Это был огромный аргамак, рыжей масти и свирѣпаго вида. Меня прельстил исполинскій рост и я думал найти у него крупный шаг. Но уже через нѣсколько минут ѣзды, я должен был разочароваться в своем подаркѣ: шаг у него был совсѣм незавидный. Кромѣ того, он имѣл не совсѣм похвальное поползновеніе схватить за гриву или ударить задом то ту, то другую лошадь ѣхавших со мной сосѣдей. Много мнѣ пришлось употребить хлопот и зоркости, чтобы во-время удержать коня от его совсѣм непозволительных шалостей. Наконец я не выдержал, рѣшил пересѣсть на другаго. Для этого мнѣ пришлось остановиться и дождаться оставшихся, по обыкновенію, назади вьючных и заводных лошадей.

Возлѣ самой дороги протекает здѣсь широкій «Биш-арык», канал, отведенный из Кашка-Дарьи за многія версты выше этого мѣста, с цѣлію орошенія мѣстных полей. Я сѣл на берег канала, высоким бруствером подымавшійся над уровнем воды, и стал

дожидаться. Скажу кстати, что вообще всѣ оросительные каналы характеризуются здѣсь очень высокими берегами. Издали виденъ только довольно высокій валъ, и вы совсѣмъ не подозрѣваете, что этотъ валъ есть ничто иное какъ арыкъ. Когда вы уже совсѣмъ подъѣдете къ этому валу, то и тогда замѣчаете въ глубинѣ русла лишь слабую полоску воды. Такой видъ имѣютъ мѣстные оросительные каналы потому, что вода въ нихъ имѣетъ очень низкій уровень. Средне-азіатскія рѣки и рѣчки содержатъ огромное количество твердаго осадка, взвѣшеннаго въ водѣ и увлекаемаго ими механически. Поэтому русла арыковъ быстро мелѣютъ и со временемъ, вслѣдствіе возвышенія дна канала, совсѣмъ становятся неспособными проводить воду въ данномъ направленіи. Вслѣдствіе такого засоренія необходимо ихъ часто чистить, т. е. вырывать ежегодно, или время отъ времени, слой земли, нанесенный въ русло арыка. Эта земля складывается по обѣ стороны канавы и образуетъ со временемъ очень высокіе валы, которые, въ свою очередь, немало затрудняютъ орошеніе прилегающихъ къ нимъ полей. Можно—конечно до извѣстной степени—судить о давности оросительной канавы по ея берегамъ; чѣмъ выше и толще валы, окаймляющіе русло арыка, тѣмъ онъ старше.

Заходящее солнце уже заливало пурпуромъ необъятную степь, плоскую въ этомъ мѣстѣ, какъ доска, когда я, переседлавъ лошадь, пустился въ карьеръ догонять миссію, далеко, тѣмъ временемъ, ушедшую впередъ. Скоро остались назади тихо плетущіеся вьюки, гуськомъ вытянувшіеся вдоль дороги; только отрывочный говоръ лаучей еще долго доносился до моихъ ушей, да гнусливая, подъ носъ напѣваемая, пѣсня казака-уральца давала знать, что въ степи есть и еще кто-то кромѣ меня. Я догналъ миссію уже тогда, когда солнце, бросивъ послѣдній пукъ расходящихся лучей, погрузилось въ вечерній туманъ, постепенно завладѣвавшій горизонтомъ.

Вскорѣ сдѣлалось такъ темно, что пришлось ѣхать чуть не ощупью. Дорога была очень изрыта, и лошади часто спотыкались. Ночь принесла съ собой непріятную свѣжесть, какая обыкновенно смѣняетъ дневной зной въ мѣстностяхъ открытыхъ, степныхъ. Ѣхать въ одномъ кителѣ стало очень непріятно. Понятно, что всѣмъ захотѣлось пріѣхать на ночлегъ поскорѣе. Тѣмъ не менѣе, пришлось еще много часовъ продремать въ сѣдлѣ, пока мы не услыхали звонкій лай, да-

леко разносившійся по степи—первый и наиболѣе вѣрный признакъ близости селенія. Вскорѣ, при поворотѣ изъ-за оплечья небольшаго кургана, сверкнула свѣтовая мигающая точка, на которую и взяли направленіе наши довольно таки утомившіеся кони. Передъ нами былъ кишлакъ Янги-кентъ [1]). Недалеко отъ кишлка насъ встрѣтилъ мѣстный аксакалъ, быстро соскочившій съ сѣдла при нашемъ приближеніи, и бросившійся пожимать всѣмъ намъ руки, подпрыгивая при этомъ къ сѣдлу каждаго всадника и стараясь въ темнотѣ поймать его руки.

Насъ принялъ въ свои объятія небольшой, пыльный караванъ-сарай, съ раскинутыми посреди его двора ветхими юртами. Очень вкусной показалась мнѣ теперь, послѣ длиннаго перехода, туземная незатѣйливая стряпня. За ужинномъ между топографомъ и генераломъ возникъ разговоръ на тему о неудобствѣ веденія маршрута ночью, но не смотря на то, что разговоръ принялъ довольно острый характеръ, я не дослушалъ его до конца; сонъ—могучій сонъ усталости—быстро овладѣлъ мною.

Не знаю долго ли я спалъ—только вдругъ я почувствовалъ, что меня толкаютъ. Открываю глаза и вижу, что въ кибиткѣ уже никого нѣтъ; только мой деньщикъ собираетъ вещи, объясняя мнѣ, что всѣ уже сѣли на лошадей, и что мой конь меня ожидаетъ совсѣмъ уже готовый. А между тѣмъ солнце еще не золотило отдаленнаго востока. За то «розоперстая вѣстница утра, Эосъ», посылала землѣ свой утренній привѣтъ. Я бы охотно отказался отъ воздушнаго поцѣлуя прекрасной греческой богини взамѣнъ нѣсколькихъ часовъ сна, но.... заскрипѣли ворота, повернулись на своихъ, никогда не мазавшихся саломъ, петляхъ и пропустили длинную вереницу гуськомъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ всадниковъ, въ томъ числѣ и меня.

Опять въ путь дорогу! Опять та же голая степь мозолитъ глаза.

Но вотъ горы, виднѣвшіяся на востокѣ до сихъ поръ только въ неясныхъ, общихъ очертаніяхъ, стали мало по малу, съ каждымъ шагомъ впередъ, пріобрѣтать болѣе и болѣе рельефный видъ. Слѣва появилась небольшая степная рѣчка, съ очень обрывистыми берегами, широкимъ русломъ и тонкимъ слоемъ воды въ немъ. Опять потяну-

---

[1]) Высота его надъ уровнемъ моря 1,150 ф. по Шварцу.

лись, и справа и слѣва, высокіе курганы и развалины древнихъ построекъ. Изъ за нихъ выглядывали двѣ-три жалкія деревушки, съ чахлыми деревцами въ садахъ. Нѣсколько оросительныхъ канавъ снова пересѣкли дорогу—и наконецъ вдали, почти у самыхъ горъ, завидѣлся городъ, изобилующій зеленью, какъ и всякій другой туземный городъ.—Здѣшніе города—это въ полномъ смыслѣ слова зеленѣющіе оазисы, разбросанные по пустынѣ. Тѣмъ не менѣе и эта пустыня носитъ въ себѣ неистощимые зародыши жизни, которая могла бы развиться во всемъ ея могуществѣ и разнообразіи формъ, если бы только было... достаточно воды. Здѣшняя почва, сама по себѣ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Это такъ называемый лёсъ, едва ли не самая благодарная изъ всѣхъ плодородныхъ почвъ. Но, нѣтъ воды—и нѣтъ жизни; безъ воды и эта богатая почва—мертва.

Вскорѣ, перейдя въ бродъ мелкую рѣченку, мы вступили въ городъ Гюзаръ[1]). Въ одномъ изъ садовъ, подъ сѣнью карагачей, были разбиты пестрыя бухарскія палатки, которыми мы и не замедлили воспользоваться.

Я расположился было записать въ дневникъ тѣ немногія впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ только что сдѣланной ночной поѣздки отъ одного степнаго города до другаго, но недоспанные часы ночи, усталость и пріятный свѣжій вѣтерокъ, такъ мягко шумѣвшій листвою карагачей—сдѣлали свое дѣло: черезъ нѣсколько минутъ я могъ быть причисленъ къ сонму праведниковъ, если только во снѣ, какъ гласитъ народная пословица, человѣкъ находится въ состояніи непогрѣшимости.

Мирахуръ (не Рахмет-Улла, который угощалъ насъ въ Карши, а другой,—мирахуръ мѣстнаго бека) по обыкновенію вступилъ въ своа права гостепріимнаго хозяина. Но генералъ потребовалъ отъ него, чтобы бекъ Акрэмъ-ханъ [2]), — одинъ изъ сыновей эмира бухарскаго,

---

[1]) Городъ Гюзаръ имѣетъ абсолютную высоту въ 1310 фут., астрономическое опредѣленіе: 38°36′18″ сѣв. шир. и 35°53′15″ вост. долготы отъ Пулкова (по Шварцу).

[2]) Старшій послѣ Катты-тюря, бѣжавшаго въ 1868 г. изъ Бухары, вслѣдствіе возмущенія противъ отца и укрывавшагося въ данное время въ Авганистанѣ.

принялъ на себя роль хозяина, а для этого явился бы въ наше помѣщеніе. Мирахуръ былъ видимо смущенъ подобнымъ требованіемъ, и незная что на это отвѣтить, наудачу сказалъ, что бекъ боленъ и, вслѣдствіе этого, не можетъ посѣтить посольство. Но генералъ не повѣрилъ наскоро придуманному предлогу и настаивалъ на своемъ желаніи. Послѣ этого мирахуръ отправился къ беку.

Часа черезъ два онъ возвратился къ намъ и привезъ тотъ же отвѣтъ, какой далъ и прежде. Вслѣдствіе этого генералъ сильно разсердился; онъ грозилъ написать эмиру, что въ Гюзарѣ его приняли не какъ слѣдуетъ. Не повѣривъ въ болѣзнь бека, генералъ послалъ къ нему Назирова съ цѣлію узнать, дѣйствительно болѣнъ бекъ, или нѣтъ. Н. отправился и черезъ нѣсколько минутъ привезъ извѣстіе, что бекъ, повидимому, здоровъ и обѣщалъ пріѣхать. На это заявленіе мирахуръ тотчасъ-же замѣтилъ, что у бека «ришта» [1]), и что по наружному виду нельзя судить о его болѣзни.

Вскорѣ послѣ этого послышались знакомые уже мнѣ вопли, которые здѣсь всегда сопровождаютъ проѣздъ особы царскаго рода, — и бекъ въѣхалъ въ садъ. Его заботливо сняли съ сѣдла и онъ, прихрамывая, поднялся въ палатку при содѣйствіи сопровождавшихъ его сановниковъ. Генералъ, тѣмъ временемъ только что ушедшій въ нарочно поставленную для этого случая отдѣльную палатку, былъ тотчасъ увѣдомленъ о прибытіи бека. Онъ вышелъ оттуда со строгимъ лицомъ. Поздоровавшись съ бекомъ, онъ сухо пригласилъ его садиться. Бекъ—слабый мужчина лѣтъ подъ 30, безбородый, съ идіотскимъ выраженіемъ въ карихъ глазахъ—молча опустился на пододвинутую ему табуретку. Послѣ этого генералъ обратился къ беку съ слѣдующею рѣчью (онъ говорилъ по турецки самъ, почти безъ помощи переводчика).

— Такъ между добрыми сосѣдями не дѣлается, обратился генералъ къ беку.—Вашъ отецъ, Джонаб-и-Али [2]), воздалъ должное

---

[1]) Ришта (filaria medinensis)—очень распространенная мѣстная паразитная болѣзнь. Она имѣетъ еще и другія названія, какъ напр., гвинейскій червь, мединскій червь. Эта болѣзнь была извѣстна въ Средней Азіи еще во времена процвѣтанія здѣсь арабской медицинской школы.

[2]) Джонаб-и-Али — въ русск. перев. значитъ высокій господинъ; какъ титулъ это названіе соотвѣтствуетъ выраженію: Ваше Высочество; но адми-

почтеніе Русскому посольству, которое Бухара имѣетъ счастіе видѣть на своей землѣ, а вы не хотѣли посѣтить насъ!.. Вы бы должны были это сдѣлать, какъ гостепріимный хозяинъ... Я уже рѣшился было о вашемъ поступкѣ написать вашему отцу, эмиру, а вѣдь онъ не замедлилъ-бы учинить за это примѣрное наказаніе (генералъ употребилъ при этомъ слово «чубукъ»—палка).

Глаза бека при послѣдней фразѣ загорѣлись какимъ-то дикимъ огнемъ; онъ сосредоточенно смотрѣлъ на одну точку. Окружавшіе его придворные тоже сосредоточенно молчали, насупивъ брови. Мирахуръ сидѣлъ точно на иголкахъ, не смѣя поднять глазъ и пошевельнуть какимъ либо членомъ. Минута была тяжелая и опасная. Произнеси бекъ одно слово, подай лишь знакъ—и... ножи его свиты, рукоятки которыхъ въ этотъ моментъ судорожно сжимала не одна пара рукъ, окрасились бы въ русской крови. Это было большое испытаніе для бека. И оно было очень тяжело для него...

Робкимъ, плаксивымъ голосомъ, точно нищій, вымаливающій на базарномъ перекресткѣ себѣ милостыню, началъ мирахуръ извиняться за бека: «Тюря-джанъ боленъ... онъ и не думалъ оскорбить русское посольство... напрасно генералъ гнѣваться изволитъ... зачѣмъ писать Хазрету» (т. е. эмиру)? и т. п.—Генералъ продолжалъ и еще нѣкоторое время говорить въ томъ же тонѣ, но мало по малу рѣчь его смягчалась и онъ закончилъ ее словами, что «теперь, когда бекъ пріѣхалъ,—онъ забудетъ все, и что теперь между нимъ и бекомъ можетъ быть только дружба».

Бекъ сидѣлъ точно въ воду опущенный. Мирахуръ какъ будто слегка повеселѣлъ.

Послѣ извиненія мирахура генералъ сказалъ, что болѣе не сердится и велѣлъ принести нѣсколько почетныхъ халатовъ. Самый лучшій изъ нихъ онъ поручилъ переводчику Назирову надѣть на бека. Бекъ не надѣлъ однако халата, а только принялъ его и сейчасъ же передалъ махрамъ-баши. Казалось бы, что теперь беку можно было откланяться и уѣхать восвояси. Но судьба видно хотѣла, на этотъ разъ, переполнить для него чашу испытаній.—Послѣ этого генералъ

нистрація Русскаго Туркестана, насколько мнѣ извѣстно, всегда придавала этому титулу только значеніе Его Высокостепенства.

предложилъ беку чаю. Отказаться отъ предложенія, по азіатскимъ обычаямъ гостепріимства, нельзя было. Сейчасъ же махрамъ-баши потребовалъ отъ одного изъ прислужниковъ чайную чашку принца. Когда она была налита чаемъ, то самъ махрамъ-баши подалъ ее своему господину, ставъ при этомъ на колѣни. Исполняя этотъ обычай, онъ точно желалъ особенно оттѣнить свою преданность и уваженіе къ беку, и продолжалъ стоять на колѣняхъ во все время пока бекъ пилъ чай.—Не сладокъ, вѣроятно, показался «чай-ширинъ» бѣдному беку. Впрочемъ, я готовъ пари держать, что онъ не могъ бы потомъ сказать: съ сахаромъ былъ чай, или безъ сахара,—такъ, вѣроятно, мало думалъ онъ въ это время о чаѣ. Подъ конецъ визита генералъ пробовалъ уже шутить, но гости, за исключеніемъ мирахура, сохраняли свои деревянныя физіономіи. Вскорѣ бекъ поднялся съ мѣста, пожалъ генералу руку и, опираясь на руки приближенныхъ, добрался до своей лошади, на которую и былъ посаженъ предупредительными руками своей свиты.

Черезъ нѣсколько минутъ бекъ прислалъ миссіи обычные подарки.

— Я такъ и думалъ, говорилъ потомъ топографъ, котораго мы почему-то прозвали фотографомъ,—что вотъ, вотъ блеснутъ ножи и кривыя сабли, когда генералъ дѣлалъ выговоръ Тюря-джану...

— А я въ это время думалъ удрать изъ палатки, шутилъ Малевинскій.

— Ну, вѣдь они трусы!—замѣтилъ генералъ.

— Да, дѣло вышло бы тогда скверное, философски замѣтилъ полковникъ.

Тѣмъ все дѣло и кончилось.

Генералъ рѣшилъ выступить изъ города часа въ 4 пополудни, а ночевать въ Кушъ-лушѣ, кишлакѣ, отстоящемъ отъ Гюзара верстъ на 20-ть. Теперь путь предстоялъ по горамъ почти вплоть до самой Аму.

Среди бухарской челяди, прислуживавшей намъ здѣсь, рѣзко выдѣлялся одинъ человѣкъ. Длинные пейсы, развѣвавшіеся на вискахъ, сразу опредѣляли его національность. Съ пейсами весьма хорошо гармонировалъ этотъ типичный носъ, какъ у хищной птицы,— носъ, который можно было бы съ такимъ же правомъ обособить въ

отдѣльный видъ, какъ греческіе и римскіе носы, и назвать его просто—еврейскимъ. Этотъ человѣкъ былъ первый еврей, котораго я встрѣтилъ въ бухарскомъ ханствѣ. Онъ былъ одѣтъ въ такой же костюмъ, какъ и туземцы, только на головѣ у него была низкая, неуклюжая баранья шапка, вмѣсто обычной чалмы среднеазіатца-мусульманина. По бухарскимъ законамъ «невѣрнымъ» воспрещено ношеніе чалмы. Только «сыны ислама» могутъ обвивать ею свое чело.

Жидъ былъ такой же юркій, какъ и вся его собратія, разсѣянная «по лицу земли». Засаленныя полы его халата быстро развѣвались отъ вѣтра, когда онъ торопливо бѣжалъ, исполняя какое либо порученіе. Спустя нѣсколько времени послѣ пріѣзда миссіи, онъ осмѣлился войти къ намъ въ палатку, помогая бухарской прислугѣ въ исполненіи различныхъ дѣлъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ принесъ какое то кушанье. При этомъ онъ сказалъ довольно чисто по русски: здравствуй!—Далѣе оказалось, что онъ состоитъ у бека чѣмъ-то вродѣ управляющаго или ключника, и умно пользуется своимъ положеніемъ, извлекая для себя всѣ возможныя выгоды. Туземцы говорили, что онъ нажилъ такимъ образомъ порядочное состояніе.

Въ Гюзарѣ живетъ нѣсколько десятковъ еврейскихъ семействъ. Они занимаютъ отдѣльный кварталъ, а на базарѣ—отдѣльную улицу. Здѣсь они не только народъ торговый, но и ремесленники. Никто лучше ихъ не умѣетъ красить матеріи; они пекутъ лучшій хлѣбъ въ городѣ. Повидимому евреи составляютъ здѣсь полезное населеніе.

Генералъ разговорился съ этимъ евреемъ. Онъ разспрашивалъ оригинальнаго фактотума бека о разныхъ вещахъ, между прочимъ объ авганцахъ), и наконецъ задалъ этому бухарскому жиду даже вопросъ такой важности: примутъ ли авганцы русскую миссію, или нѣтъ?—На этотъ вопросъ еврей совершенно развязно отвѣчалъ, что «конечно примутъ, ибо эти авганцы—паршивый народъ; они очень обрадуются, узнавъ, что великое Русское государство посылаетъ къ нимъ своихъ пословъ». Потомъ еврей распространился о томъ, какіе «собаки» и «разбойники» эти авганцы, какъ они жадны, лѣнивы и грубы; вообще онъ не скупился на совсѣмъ нелестные эпитеты для нашихъ сосѣдей и будущихъ союзниковъ. Несомнѣнно, что онъ имѣлъ

причины такъ поносить своихъ «названныхъ братьевъ»[1]). Извѣстно, что авганцы—заклятые враги евреевъ; никого такъ глубоко они не презираютъ, какъ евреевъ.

Генералъ, по окончаніи разговора съ евреемъ, велѣлъ подарить ему халатъ. Глаза еврея заблистали отъ радости и онъ, потряхивая пейсами и прижавъ руки къ желудку, отвѣсилъ генералу нѣсколько низкихъ поклоновъ.

Затѣмъ, опять въ сѣдло и—маршъ по пыльной дорогѣ! Городъ съ садами скоро остался назади. Мы постепенно поднимались на гору. Спустя нѣкоторое время дорога, достигнувъ вершины горы и перегнувшись въ ея сѣдловинѣ, начала опять спускаться внизъ. Теперь гора совсѣмъ закрыла собой городъ. Впереди возвышаются каменные холмы, безъ всякаго признака жизни, растительности. На право шумно реветъ рѣка, только что вырвавшаяся здѣсь изъ горъ на свободу. На противоположномъ берегу рѣки бродитъ разбросавшееся стадо овецъ. Вотъ и все. Виды мало приковывали къ себѣ мое вниманіе. Поневолѣ приходилось глядѣть «промежъ ушей лошади» [2]), да думать свою, чисто механическую, думу. И какихъ только пустяковъ не передумаешь въ это время, монотонно покачиваясь въ сѣдлѣ, когда глаза ничѣмъ не заняты! Процессъ мысли совершается какъ-то автоматично, точно заведенная машина; въ это время онъ не очень то стѣсняется законами ассоціаціи представленій. Иногда, очнувшись отъ такого мыслительнаго забытья, если можно такъ выразиться, долго ищешь связи между обрывками сужденій, удержанными въ памяти, понятно, чисто механически—и, часто, такъ и не находишь того моста, по которому проходятъ иногда столь противоположныя представленія. Людямъ, незнакомымъ съ нескончаемой верховой ѣздой изо дня въ день, только что описанное состояніе мыслительнаго процесса, по всей вѣроятности, покажется непонятнымъ. Но оно будетъ понятно всякому, знакомому съ чисто механической работой—будетъ ли это вязанье чулокъ, строганье досокъ или работа аршиномъ за прилавкомъ. Эти люди знаютъ, какъ иногда имъ приходится ловить себя на какой нибудь мысли, спрашивая себя: «что

---

[1]) Авганцы производятъ себя отъ уведенныхъ Салманассаромъ въ плѣнъ 10-ти колѣнъ израилевыхъ.

[2]) Одно изъ классическихъ правилъ правильной кавалерійской ѣзды (?).

это? о чемъ это я теперь думаю? вѣдь я только что хотѣлъ рѣшитч такой-то вопросъ, а вѣдь то, что я теперь думаю, какъ будто совсѣмъ не вяжется съ предъидущимъ?» Человѣкъ до извѣстной степени привыкшій анализировать свои мысли, непремѣнно захочетъ при этомъ прослѣдить связь между представленіями, и часто находитъ поразительные скачки въ области ассоціаціи. Мнѣ самому иногда приходилось отъ души хохотать надъ собой, при отысканіи нѣкоторыхъ такихъ скачковъ. Если потомъ захочешь узнать—каковъ въ данномъ случаѣ результатъ думъ, то затруднишься сказать его. Поэтому совершенно понятны отвѣты лицъ, застигнутыхъ въ моментъ подобнаго механическаго мышленія вопросомъ: о чемъ они думаютъ? — что они «ни о чемъ не думаютъ». Совершенно вѣрно! Ибо нельзя же думой назвать чисто механическую рефлексію. Если же вопрошающій продолжаетъ настаивать на своемъ вопросѣ, то вопрошаемый только послѣ извѣстнаго усилія,—напряженія воспоминанія, сможетъ сказать предметъ своихъ думъ. Но въ это-то время, онъ уже дѣйствительно думаетъ, т. е. вполнѣ сознательно относится къ мыслительному процессу.

Вотъ въ такое-то состояніе я теперь и погрузился. Изрѣдка лишь я выходилъ изъ него. Это—когда лошадь спотыкалась, или приходилось ѣхать надъ самой рѣкой, по обрывистому берегу. Двѣ, три смѣло вздымающіяся скалы также только на нѣсколько минутъ овладѣвали моимъ вниманіемъ.

Солнце уже давно скрылось гдѣ-то за горами; вечернія тѣни сгущались все болѣе и болѣе; ночная мгла уже охватила всю неширокую долину рѣчки,—когда мы доѣхали до мѣста ночлега. Вотъ и Кушъ-лушъ [1]). Нѣсколько закоптѣлыхъ юртъ разбито на лугу у самаго берега рѣчки. Невдалекѣ отъ нихъ слабо мерцаетъ пламя едва тлѣющаго костра. Вслѣдъ за нами подтянулись и вьюки.

На слѣдующій день, рано утромъ, вьюки гуськомъ, медленно ползли уже по крутой тропинкѣ въ гору, когда и мы снялись съ мѣста. Опять пришлось перейти рѣчку въ бродъ. Она была въ этомъ мѣстѣ такъ глубока, что явилось опасеніе—не подмокли ли вьючные ящики. А въ

---

[1]) Кушъ-лушъ по русски значитъ—сліяніе, соединеніе; здѣсь соединяются въ одинъ потокъ двѣ горныя рѣчки.

другихъ мѣстахъ лошади могли переходить рѣку только вплавь. Медленно, съ частыми остановками, взбирались мы въ гору. На самой вершинѣ подъема, образовавшей горбину невысокаго перевала, остріемъ торчала гранитная полоса, образуя, въ буквальномъ смыслѣ слова, «гребень» горы. Отсюда открывался довольно обширный видъ на окружающую мѣстность. На далекомъ востокѣ и сѣверѣ синева горъ вѣнчалась яркой полосой вѣчныхъ снѣговъ, широкой пеленой покрывавшихъ горныя массы. На западѣ открывалась безбрежная, какъ океанъ, уходящая вдаль степь. У самыхъ же ногъ растилалось море холмовъ, какъ бы каменныхъ волнъ, то мягко округленныхъ, то рѣзко возвышавшихъ свои острые ребра и гребни... Я въ первый еще разъ созерцалъ настоящій горный ландшафтъ. Понятно, что эта картина произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я жадно вдыхалъ, полной грудью, свѣжій, чистый, живительный горный воздухъ.

Нѣсколько минутъ спустя, наша кавалькада также тихо спускалась въ неглубокую долину, мѣстами зеленѣвшую посѣвами хлѣбовъ. Вотъ съ нами поравнялось цѣлое стадо ословъ; они усердно тащили на своихъ крѣпкихъ хребтахъ по два толстыхъ арчевыхъ кола. Погонщики ихъ равнодушно посмотрѣли на насъ, перебросились нѣсколькими словами съ нашими лаучами—и продолжали свое монотонное шествіе.

Пробираясь берегомъ все той же рѣчки, которая теперь значительно съузилась, мы дошли до эфектнаго ущелья «Акъ-даганъ» [1]). Это ущелье находится въ поперечномъ къ оси рѣки, мощномъ известковомъ кряжѣ. Рѣчка буквально пробуравила этотъ кряжъ; обѣ стороны ущелья отвѣсно падаютъ къ самой водѣ и, въ нижней своей части, гладко отшлифованы рѣкой. Стѣны возвышаются по обѣимъ сторонамъ ущелья саженъ на 20.

Затѣмъ, слѣдуя все параллельно руслу рѣчки, теперь ставшей уже ручьемъ, мы достигли ея истоковъ при деревнѣ Чашма-и-Хафизанъ. Дорога во весь переходъ была безлѣсна. Только въ одномъ мѣстѣ мы прошли мимо одинокой исполинской арчи. Отъ этой арчи и самое урочище получило названіе «Екь арча» [2]), что въ русскомъ пе-

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ значитъ «бѣлый проходъ».

[2]) Высота Екь-арчи надъ уровнемъ океана 3,150 фут. по Шварцу.

реводѣ значитъ: одна арча. Рядомъ съ арчей возвышался шестъ съ тряпками—знакъ, что здѣсь находится могила какого-то мусульманскаго святого. Нетрудно было понять, почему уцѣлѣла эта единственная арча, между тѣмъ какъ кругомъ не было ни одного деревца: дерево это посвящено тому святому, кости котораго покоятся въ его корняхъ. Это обстоятельство охраняло дерево отъ порубки лучше, чѣмъ всевозможные приказы начальства. Среднеазіатцы вообще любятъ приписывать старымъ, величественнымъ деревьямъ какое либо особенное значеніе. Непремѣнно окажется, если вы дадите себѣ трудъ спросить объ этомъ, что оно или посажено руками святаго, или было ему полезно своей тѣнью. Отсюда и происходитъ почитаніе большихъ деревьевъ. Очень можетъ быть, что тутъ сказалась инстинктивная забота воспрепятствовать полному истребленію лѣсовъ. Но еще вѣроятнѣе, что въ данномъ случаѣ сказывается стремленіе не только азіатцевъ, но и вообще всего человѣчества—придавать особыя значенія предметамъ, наиболѣе выдающимся изъ ряда другихъ. Если это такъ, то подобное явленіе, мнѣ кажется, можно признать какъ остатокъ древняго фетишизма.—Чашма-и-Хафизанъ [1])—небольшая деревушка, пріютившаяся у подножія горъ, вздымающихся съ востока отъ нея отвѣсной стѣной въ нѣсколько сотъ футъ. Здѣсь мы ночевали.

На слѣдующій день, 11-го іюня, холодъ заставилъ насъ встать еще раньше, чѣмъ это предполагалось: t° въ 5 часовъ утра, въ тѣни палатки, достигала только 12° С. Сверхъ кителей пришлось надѣть пальто. Въ этотъ день мы перевалили черезъ невысокій перевалъ Акъ-раббатъ и проѣхали знаменитымъ ущельемъ. Въ древности это ущелье называлось «Желѣзными воротами» [2]). Еслибы въ немъ и не было поставлено массивныхъ желѣзныхъ воротъ, о которыхъ разсказываетъ знаменитый китайскій путешественникъ 7-го вѣка по Р. Хр., Сюань-Цань, то и тогда названіе имѣло бы смыслъ. Мрачныя, черныя скалы ущелья, отвѣсно вздымающіяся на десятки саженъ, походятъ на гигантскія желѣзныя вереи воротъ. Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время это ущелье у туземцевъ зовется «Бузголе-хана», т. е.

---

[1]) Высота Чашма-и-хафизанъ надъ уровнемъ океана 3,540 фут. по Шварцу.

[2]) Высота «Желѣзныхъ воротъ» надъ уровнемъ моря: западный конецъ ущелья 3,740 ф. восточный—3,540 ф. по Шварцу.

въ переводѣ съ персидскаго—«козій домъ». Я не могъ добиться отъ туземцевъ болѣе или менѣе правдоподобнаго объясненія такого названія ущелья. Длина ущелья равняется почти двумъ верстамъ; оно представляетъ собою буквально трещину въ поперечномъ гранитномъ хребтѣ горъ. Впрочемъ, гранитъ образуетъ преимущественно низшій слой горнаго разрѣза; верхніе же слои состоятъ изъ пластовъ сланца. Ущелье мѣстами съуживается до 5 шаговъ ширины и нигдѣ не превосходитъ 30. Дорога крайне затруднительна, вслѣдствіе огромныхъ камней, обвалившихся со стѣнъ ущелья и загромождающихъ его. Тѣмъ не менѣе въ 1875 г. бухарцы ухитрились провезти по этой дорогѣ тяжелую артиллерію въ Гиссаръ. Весной, во время таянія снѣговъ, по ущелью несется яростный горный потокъ, и тогда сообщенія по нему нѣтъ; тогда обходятъ ущелье вправо, черезъ невысокій перевалъ.

Интересно описаніе этого ущелья, сдѣланное извѣстнымъ китайскимъ путешественникомъ Сюань-Цанемъ, который, кажется, первый по времени, описалъ его. Послѣ трехдневнаго пути по этимъ горамъ [1]) въ югозападномъ направленіи путешественникъ вошелъ въ проходъ, называемый «Желѣзными воротами». «Это тѣснина», говоритъ онъ, «между двухъ горъ, которыя поднимаются параллельно, справа и слѣва, до изумительной высоты. Раздѣляетъ ихъ только тропинка, чрезвычайно узкая и крутая. Двѣ горы образуютъ съ двухъ сторонъ громадныя стѣны, цвѣта желѣза. Проходъ запирается створчатыми воротами, обитыми желѣзомъ и къ воротамъ привязано множество колоколовъ. Отъ этого обстоятельства, равно какъ и отъ трудности и силы прохода, онъ и получилъ свое названіе» [2]).

Изъ этого описанія видно, что дно ущелья уже въ историческія времена было гораздо выше, чѣмъ теперь (тропинка крутая). За неимѣніемъ другаго стока для весеннихъ водъ изъ долины, расположенной выше ущелья, онѣ должны были въ ней скопляться. Такимъ образомъ передъ ущельемъ должно было образоваться озеро. Мнѣ кажется, что котловина, изъ которой ведетъ это ущелье, еще и теперь носитъ характеръ бывшаго озера; дно этой котловины состоитъ изъ

---

[1]) Сюань Цань ѣхалъ изъ Кеша (Шахрисябся) въ долину Аму, въ Тохарское царство.

[2]) Юль. Очеркъ географіи и исторіи верховьевъ Аму-Дарьи, перевела О. Федченко, 1873 г. стр. 17.

